

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-62-111>

<https://elibrary.ru/WCGZLP>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Переписка Ф. Сологуба и П.Е. Щеголева

© 2026, А.Л. Соболев

Независимый исследователь, Москва, Россия

Аннотация: В работе впервые публикуется сохранившаяся часть переписки Федора Сологуба (1863–1927) и Павла Елисеевича Щеголева (1877–1931). Жанровый репертуар писем — от лаконичной деловой записки до обиженной отповеди в ответ на несправедливую газетную филиппику. Главная ценность этих писем — в расшифровке житейских и литературных переплетений, встающих за упомянутыми в них деталями: так, скромная вырезка из провинциального журнала, отправленная Сологубом Щеголеву в 1917 г., оказалась виновницей скандала, омрачившего возвышение большевика Л.Б. Каменева. Через несколько лет именно Каменев окажется одним из главных противников выезда Сологуба за границу: впрочем, вопрос о том, было ли это актом мщения, остается открытым. Письма снабжены предисловием с изложением краткой истории знакомства корреспондентов и историко-литературным комментарием.

Ключевые слова: Федор Сологуб, Павел Щеголев, переписка, русская литература начала 20 века, биография писателя, литературный быт, архивные документы, журнал «Лукоморье».

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, г. Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: Соболев А.Л. Переписка Ф. Сологуба с П.Е. Щеголева // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 62–111. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-62-111>

По сформировавшейся в последние десятилетия традиции публикатор исторического текста до определенной степени уподобляется ярмарочному зазывале: в первых строках преамбулы он должен объяснить, чем особенно ценен печатаемый документ и почему читающая публика должна тратить на него свое внимание. С этой точки зрения следующая далее переписка историка Павла Елисеевича Щеголева (1877–1931) и писателя Федора Сологуба (1863–1927)

не слишком убедительна: она сохранилась не полностью, входящие в нее послания частично недатированы (и датировке не поддаются), а в наличествующих письмах речь идет по преимуществу о вещах частных, не принципиальных и требующих для читателя, даже просвещенного, тщательного комментария. Невзирая на эти обстоятельства, решаемся все же обнародовать этот эпистолярный комплекс: дело даже не только в архаическом (но внятном для героической эпохи «Русского архива» и «Русской старины») убеждении, что всякому документу лучше быть опубликованным, нежели нет, но и в нескольких глубинных сюжетах, тени которых встают за этой перепиской, и которые хотелось бы, хоть предварительно, обсудить¹.

Мы даже не знаем точного времени знакомства корреспондентов. Представляется, что личной встрече предшествовал печатный отзыв лета 1905 года: в июльском номере журнала «Вопросы жизни», где печатались очередные главы «Мелкого беса», была опубликована рецензия Сологуба на монографию Щеголева «Грибоедов и декабристы» (1905)². Заметка эта, имевшая все шансы затеряться в библиографическом отделе (непременная принадлежность любого русского толстого журнала), любопытна для нас вдвойне: это не только одно из ранних упражнений Сологуба в жанре критики (до этого он печатал по преимуществу отзывы на педагогические труды)³, но и первый предпринятый им опыт декларативного пересмотра русской классики. Впереди были обширные парадоксалистские выкладки: в 1907 г. подлинным пушкинским демоном был объявлен «старый черт Савельич»⁴, а через двадцать лет про Толстого говорилось (к ужасу свидетелей), что он был графоман («Ну, талантливый графоман»)⁵. В рецензии на Щеголева про саму книгу было сказано полслова («Весьма интересное издание»), а главное внимание уделено автору комедии:

Всматриваешься с жадным любопытством в драгоценные черты, следишь за изменениями почерка, за манерою подписываться, — вот почтительное письмо гладким почерком с подписью

¹ Пользуемся случаем поблагодарить М.М. Павлову, М.А. Сазонова и Н.Н. Соболеву за щедрую помощь.

² Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 255–256.

³ Они скрупулезно учтены самим автором: Библиография сочинений Федора Сологуба. Часть 1. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 года до 1 июля 1909 года. СПб., 1909. С. 24–29.

⁴ Сологуб Ф. Демоны поэтов. II. Старый чорт Савельич // Перевал. 1907. № 12. С. 46–50.

⁵ Чуковский Н.К. Милый демон моей юности // Воспоминания Николая и Марины Чуковских. М.: Книжный клуб 36'6, 2015. С. 225–226.

«верноподданный Александр Грибоедов», — вот чиновнически-уклончивое показание обычным почерком «коллежского ассессора Александра Грибоедова», — и вот, точно снимается какая-то завеса, и из-за бумаги и чернильных начертаний, видишь, сквозит живая душа человека... Душа Молчалина⁶.

Сам автор, кажется, был несколько смущен тем, куда завела его внутренняя логика отзыва на историческую монографию, и, отправляя манускрипт в редакцию, добавлял: «Посылаю рецензию и возвращаю книгу. Боюсь, что вышло длинно, — я размахнулся было пошире, но сжал. Понравится ли Вам это? Здесь не столько о труде Щеголева, сколько о личности Грибоедова, — т.е. не отзыв о книге, а заметка по поводу книги»⁷. Реакция Щеголева нам также неизвестна, но, вероятно, в ближайшие месяцы 1905 года они познакомились⁸, — и первое письмо 1906 г. написано уже с интонацией продолжения ранее начатого диалога. В том же 1906 г. Щеголев и его жена регулярно бывают на сологубовских «воскресеньях»⁹.

Говоря о биографии Щеголева, важно помнить, что она до известной степени дискретна: в архивах полицейского департамента хранятся две объемистые папки¹⁰ (а еще как минимум одна нами не разыскана), отмеряющие месяцы и годы его пребывания в разного рода узилищах. Впервые он был арестован в марте 1899 г. как один

⁶ Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 256.

⁷ Недатированное письмо к Г.И. Чулкову // РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 76. Л. 35.

⁸ Несомненно они виделись на «башне» Вяч. Иванова: так, например, Л.Д. Зиновьева-Аннибал, перечисляя гостей третьей башенной среды (21–22 сентября 1905 г.), упоминает Сологуба, Анастасию Чеботаревскую (они еще не были парой) и Щеголева («филолог, видная личность, журналист (“Наша жизнь”), монографист») [2, с. 129]. Оба они (причем Щеголев с женой, а Сологуб с сестрой) присутствовали и на легендарной среде 28 декабря 1905 г., которая была прервана полицейской спецоперацией [2, с. 148–150]. Вместе они упомянуты (среди прочих знаменитостей) и в газетных отчетах о произошедшем: «У г. Мережковского, известного писателя, пропала шапка. Она пропала у него во время обыска в квартире писателя В. Иванова. В квартире этой находились кроме г. Мережковского и его жены (З.Н. Гиппиус) писатели гг. Щеголев, Габрилович, Сологуб, Бердяев и г-жа Венгерова» (*Суворин А. Маленькие письма*. DCXXI // Новое время. 1906. 3 января. № 10706. С. 3). См. также: *Мережковский Д.* Куда девалась моя шапка? // Народное хозяйство. 1906. 1 января. № 15. С. 2. Возможно, первой познакомилась с Сологубом жена Щеголева, бывшая профессиональной (и по отзывам — превосходной) чтицей; ср. в воспоминаниях Н.Г. Чулковой: «Потом Валентина Андреевна стала бывать на вечерах у Федора Сологуба, Вячеслава Иванова. Познакомилась с прочими семьями писателей» (*Чулкова Н.Г.* Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми / изд. подгот. А.И. Серков. М. ИМЛИ РАН, 2025. С. 359).

⁹ См. в «Тетрадах посещений» Ф. Сологуба (публ. М.М. Павловой и А.Л. Соболева): [15, с. 78–80, 82–86, 89, 90, 94, 96].

¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. Оп. 144 (1908). Ед. хр. 140; ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 101. Ед. хр. 567. Кроме того, в начале 1990-х гг. значительный массив данных о Щеголеве был извлечен нами при просмотре дел Вологодского архива (прежде всего: ГАВО. Ф. 108. Оп. 2. Ед. хр. 737; ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 382; ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 425 и др.), но подробная хроника его вологодских мытарств не входит сейчас в нашу задачу. Емкий очерк его биографии содержится в первой главе работы: [5].

из вожаков студенческих беспорядков, в 1900-м освобожден из-под стражи и отправлен в Полтаву, далее осужден на ссылку в Вологду (откуда бомбардировал полицейское начальство запросами об отлучках: в Воронеж к матери, в библиотеку в Петербург, сдавать экзамены в университет), в 1902 г. из Вологды он отправлен в Кадников (откуда вскоре самовольно вернулся в губернскую столицу), в 1903 г. (после пачки профессорских ходатайств — от С. Шубинского до И. Бородин) возвращен в Петербург, но в 1905 г. оттуда изгнан; в 1907 г. предлагалось поселить его на три года в Астраханской губернии, которую заменили Юрьевым; тут возроптал Юрьевский губернатор («Принимая во внимание, что в г. Юрьеве находится Университет и Ветеринарный институт и город является центром революционной пропаганды среди эстонского населения Лифляндской и отчасти Эстляндской губ., я признаю крайне опасным для общественного порядка и спокойствия пребывание там Щеголева и имею честь просить Ваше Высокопреосвященство выслать его в иное место, вне пределов вверенного мне края»¹¹) — и вновь зашла речь об Астрахани, против которой теперь возражал сам арестант, адресуя свое недоумение ни много не мало министру Столыпину... в результате Астрахань заменили на Любань: сто километров от столицы.

Из Вологды в 1903 г. он вернулся женатым. Артистка местной труппы Валентина Андреевна Богуславская скрупулезно фиксировала в дневнике первые впечатления: «Очень большой, полный молодой человек с буйными кудрявыми волосами». «Этот большой человек относится ко мне с таким вниманием, его общество так много дает мне, он приносит мне книги новые, говорит, что у него здесь библиотека, что он привез ее из Петербурга». «Щ<еголев> читал рассказы Чехова, отлично, хохотала до упаду. Я думаю, из него вышел бы первоклассный актер. И в этот же вечер он подарил мне “Горящие здания” с надписью на санскритском языке» [12, с. 181].

Преподнесенный в качестве свадебного подарка сборник стихов Бальмонта (М., 1900) оказался паролем и эпитафией к предстоящим пятнадцати годам: начало XX века в Петербурге (и в меньшей степени в Москве) — период невиданного сближения богемы и науки: профессора женятся на актрисах, публикуются в «Аполлоне», дерутся в «Бродячей собаке». Во взаимной приязни Щеголевых и Сологуба (Анастасия Николаевна Чеботаревская, сделавшись спутницей последнего, оказалась полноценной участницей квартета) постоянно сосуществовали два измерения — вежливая суховатость делового

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. Оп. 144 (1908). Ед. хр. 140. Л. 26.

диалога (хорошо видная по печатаемой ниже переписке) и постоянно бурлящее на заднем плане тревожное дионисийство.

«Дорогой Федор Кузьмич! Порадуйте меня, придите завтра, т. е. в четверг ко мне вечером. Высечете сердитую плаксу. Ваша В. Щеголева»¹², — пишет Валентина Андреевна 2 апреля 1908 г. Здесь примечательно не только попадание в самый нерв сологубовской поэтики («плаксы», как и розги, встречаются у него регулярно; «Плаксой» он называет Анастасию Николаевну¹³, а она подписывает так преподнесенные ему книги¹⁴), но и внешние обстоятельства. 9 января 1908 г., то есть тремя месяцами ранее, Щеголев был в очередной раз арестован. Современники зубоскалили:

Щеголев — бывший соредaktor «Былого» — настолько толст, что сразу бросается в глаза в какой угодно толпе; его выслали из Питера, а эта туша взяла да и возвратилась, и мало того, — стала показываться везде на улицах; конечно, ее скоро изъяли из обращения. Газеты, описывая этот случай, сообщали, что Щеголева арестовали на улице и два сыщика уселись по сторонам его на извозчика; — что его арестовали — верно, что его увезли — тоже верно, но чтобы с ним мог усесться на извозчике еще кто-нибудь — это уже от лукавого!¹⁵.

Между тем, все было именно так: сама Валентина Андреевна писала в официальном заявлении:

9 января сего года во время проезда по Пантелеймоновской улице г. С.-Петербурга был арестован мой муж, редактор журнала «Былое», Павел Елисеевич Щеголев. После ареста он был доставлен в Коломенскую часть, где и содержится в настоящее время в помещении для арестованных; сидит он в душной и тесной камере, две трети которой заняты нарами; и в камере нет ни стола, ни стульев и за переполнением арестного помещения муж мой не пользуется даже прогулками. Муж мой, болезненно-полный человек и пребывание в камере без воздуха, света и прогулок губительно влияет на его организм. <...> Между тем я знаю, что никакой вины политического

¹² ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 1.

¹³ См. в публикации А.В. Лаврова «Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская» [7, с. 305, 308, 309, 310].

¹⁴ См. примеры ее инскриптов в составленном Н.Н. Шаталиной описании сологубовской библиотеки: «Дорогому, милому — злому иногда, а чаще доброму и нежному Федору Сологубу. Плакса»; «Очень верному оруженосцу и потому ценному. 25/11/1908. Плакса» (на переводах из О. Мирбо) [7, с. 475].

¹⁵ Минцлов С.Р. Петербург в 1903–1910 годах. Рига, 1931. С. 240–241.

и вообще противоправительственного характера за мужем моим нет: он занимается исключительно журнальным трудом и деятельность его проходила на глазах властей. Единственным проступком его может быть признан самовольный приезд его по делам в С.-Петербург, откуда он был выслан по распоряжению г. Градоначальника¹⁶.

В конце апреля 1908 г. Щеголева высылают в Юрьев; через несколько недель его жена следует за ним:

Под окнами у меня густая стена двух тающих каштанов, сирени и тополей. Нежно-розовые цвета каштанов точно елочные свечи в рождественскую ночь.

Тихо, тихо, покойно проходят дни... внешне, а внутри у меня «снеговой костер»... тревога и трепет. И нужно же было для чего-то матери-природе вложить в мое маленькое тело такой богатый запас этого, подчас так мучающего меня, трепета. Много радости в мире; теперь, покамест, я всю себя отдала зеленым кленам и каштанам; ах какая радость после 5-тилетнего гнета убогой финляндской природы увидеть вновь — уверовать в солнце и землю; милые, огромные, богатые убранством родные деревья, высокие, цветные и такие великолепные букеты. Я чувствую, что у меня растут крылья: легкие, неземные, как листья клена.

И вся я скоро превращусь маленькое зеленое дерево, с трепещущими листьями, с призывными ветвями...

И неужели у меня есть муж, этот веселый сверх-спокойный реалистический муж. Я смотрю на него чужими широко-открытыми глазами и... ничего не понимаю.

Здесь я окружена большими заботами. Но, Боже мой, как скучны немцы и эстонцы. Здесь нет людей, нет индивидуальности. Все смазано в одну белесую педантическую маску. Если бы не муж, который все время настраивает меня на смешливое настроение своим беспутным анархизмом... я бы не выдержала долго. Пишу Вам косо и криво, вы ни за что не взяли бы меня в «босоногие секретари».

Теперь о делах. Кланяюсь Вам низко, дорогой Федор Кузьмич, и благодарю сердечно и за хлопоты и за конфеты, которые прибыли в весьма плачевном виде, и несколько разочаровали меня, так как я ждала не их... Очень бы радостно было получить «Пламенный круг»... очень. Как Вы думаете? Боюсь, что Вы уже на даче и письмо мое не скоро дойдет к Вам. Как поживает Настичка, скажите ей, что я

¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. Оп. 144 (1908). Ед. хр. 140. Л. 20 об.-21.

непременно напишу ей большое и милое письмо. Если Вы еще не уехали, мой завет Вам: езжайте поскорее, спасите себя от «пыли и копоти» С.Петербурга; только здесь я почувствовала, как исковеркал меня последний месяц и белые ночи страшно вспомнить... но мило!¹⁷.

Последняя фраза (касающаяся белых ночей) требует расшифровки. Дело в том, что на эти месяцы падает кульминация романа Щеголевой с А.А. Блоком, отображенного в трех его стихотворениях. Эти сквозные сюжеты сойдутся воедино на новогоднем маскараде у Сологуба и Чеботаревской в ночь с 3 на 4 января 1909 г. (первом из череды подобных) — Блок с Щеголевой попытаются уехать с него вдвоем, но Сологуб им помешает:

— Вы едете вместе? — спросил Федор Кузьмич.

— Да, я провожаю Валентину Андреевну.

— Этого не следует делать. Валентина Андреевна, оставайтесь. —

Я молчала беспомощно.

— Нет, Валентина Андреевна поедет, — упорно говорил Блок. Ф. К. метался от него ко мне, всячески убеждал, наконец, он не выдержал и выставил самый страшный аргумент.

— Александр Александрович, подумайте о Любви Дмитриевне, она беременна, Валентина Андреевна, подумайте о Павле Елисеевиче¹⁸.

Между 1909 и 1911 г. Щеголев находится в одиночной камере «Крестов»¹⁹, превращенной им в рабочий кабинет:

¹⁷ Письмо В.А. Щеголевой к Сологубу от 14 июня 1908 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 905. Л. 1–2.

¹⁸ Из позднейшей автобиографической заметки В.А. Щеголевой, приведенной в публикации Е.Ю. Литвин и С.С. Гречишкина (Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 854). Вероятно, на этом же маскараде был вручен презент от пребывающего в любанской ссылке Щеголева: оттиск из сборника «Пушкин и его современники» с автографом: «Дорогому Федору Кузьмичу Сологубу от автора. Любань 26/XII. 1908 г.» [7, с. 486]. См. также полемический комментарий ко всему эпизоду: [1, с. 275–285].

¹⁹ Арестован он был 13 января, непосредственно в ходе судебного заседания, посвященного закрытию журнала «Былое». Сам он писал об этом: «Осенью 1908 года я переехал в Любань и возобновил здесь свою работу по биографии Пушкина, пользуясь близостью столичных книгохранилищ. Но тем временем подошло и слушание моего дела по “Былому” в Петербургской судебной палате — 13 января 1909 года. Приехал я из Любани на суд, ожидая если не оправдания, то обычного приговора по литературным делам — года крепости. На случай изменения меры пресечения была добыта и обычная сумма залога — 1000 рублей. Но я оказался не в курсе дела, а председатель Судебной палаты Крашенинников знал, что ему делать в моем процессе, и приговорил: издание журнала “Былое” запретить навсегда, а меня подвергнуть заключению в крепости на три года»; цит. по: [6, с. 179]. См. также: [5, с. 23]. 20 января 1909 г. В.А. Щеголева писала Сологубу и Чеботаревской: «Милые Анастасия Николаевна и Федор Кузьмич! Душевно

По словам Бонч-Бруевича, Щеголев был старостой политических заключенных, и в его ведении, между прочим, находилось питание их. Камера Бонч-Бруевича была рядом с камерой Павла Елисеевича, и Владимир Дмитриевич ежевечерне слушал, как Чичиков у Петуха, подробный заказ Щеголева приходившему к нему вахмистру меню на завтра. С огромным знанием дела, смакуя все подробности приготовления, Щеголев пространно объяснял, как нужно приготовить то или иное блюдо.

Не менее богато Щеголев был обставлен и относительно пищи духовной. По ходатайству Шахматова у президента Академии наук в. к. Константина Константиновича Павлу Елисеевичу в камеру доставлялись не только все нужные ему книги из библиотеки Академии наук, но фотографии с рукописей Пушкина из собрания С.А. Венгера. На этот раз Щеголев не обманул лиц, для него старавшихся. В тюрьме им была написана работа, в то время представлявшая собою высшую точку развития пушкиноведения [16, с. 64–65].

В эти годы переписка между ним и Сологубом вынужденно сокращается (входящая почта Щеголева не ограничена, но исходящая регламентирована²⁰), так что новости из заключения в основном приходят через жену: «Он процветает и берет от тюрьмы все, что от нее можно взять. Очень часто видит Вас и Наст. Никол. во сне. Поцелуйте ее за меня крепко, в особенности глазки»²¹. Одна из первых их документированных встреч после освобождения Щеголева (нет оснований сомневаться, что их было немало) — званый вечер у Сологубов 22 декабря 1912 г. Свидетель их встречи записывал: «Поехали к Сологубам. Там холодно. <...> Щеголев читал вновь найденный рассказ Пушкина, где ничего пушкинского не было, я совсем засыпал»²².

благодарю Вас за письмо. Меня, действительно, сразило это горе. Пока ни о каких намерениях и планах не может быть и речи. Все мои мысли и надежды направлены на одно: чтобы его освободили под залог, хотя бы на неделю. Все произошло так неожиданно, так грубо!» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 2).

²⁰ Ср. в письме Щеголевой к М.О. Гершензону от 21 мая 1909 г.: «Муж мой Павел Ел. Щеголев, не имея возможности ответить на Ваше любезное письмо тотчас, т<a>к к<a>к по крепостному режиму он может писать только 1 раз в неделю одно письмо, поручил мне поблагодарить Вас за присланную книгу и письмо, просит очень писать ему, он с своей стороны также напишет Вам в одно из ближайших воскресений. “Вехи” он находит очень нужной и полезной книгой с массой правды, совершенно согласен с наблюдениями и заключениями этой книги, хотя и не разделяет посылок основных и в частности не понимает идеи национального развития» (РГБ. Ф. 746. Карт. 44. Ед. хр. 31. Л. 1–1 об.).

²¹ Письмо В.А. Щеголевой к Сологубу от 14 июня 1910 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 5–6.

²² Кузмин М. Дневник 1908–1915 / изд. подгот. Н.А. Богомолов и С.В. Шумихин. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005. С. 386.

Вновь найденный рассказ это «Уединенный домик на Васильевском»: опубликованная еще в 1829 г. новелла В.П. Титова, представляющая собой тщательную запись слышанного им пушкинского рассказа. Долго существовавшее предание об этом оказалось подкреплено воспоминаниями А.И. Дельвига, рукопись которых в запечатанном пакете была передана в 1886 г. в Румянцевский музей и вскрыта в соответствии с условием, в 1910-м. Щеголев, прочитав вышедший в 1912 г. том мемуаров Дельвига, сделал из архивной находки событие всероссийского значения, перепечатав «Уединенный домик» в трех последовательных номерах подведомственной ему газеты «День» — и в субботу, когда вышел первый из них, читал его собравшимся у Сологуба гостям.

Последовавшие за этим события также приобрели статус художественного жеста: в 1913 г. «Уединенный домик» был напечатан отдельным изданием с двумя послесловиями — Щеголева и Сологуба. Занятно, что спустя восемь лет после двух взглядов на «Горе от ума», они снова имеют возможность сопоставить две версии понимания художественного текста — и демонстрируют их если не тождественность, то параллельность. Щеголев, закончив текстологическую справку, говорит о встающей перед историком литературы проблеме — «отделить в рассказе элементы титовские от пушкинских», и именно этим же пожеланием заканчивает свой текст Сологуб: «Мне кажется, что заманчивою задачею для поэта-пушкиниста было бы восстановление чисто-пушкинского текста этого рассказа, очищение его от всего, внесенного Титовым»²³.

В том же 1913 г. Сологубы и Щеголевы — соседи по эстонской даче: упоминание о совместном времяпрепровождении встречается всего в одном документе этого времени²⁴, но нет оснований сомневаться, что оно было регулярным. В частности, Щеголева на даче Сологубов застал другой постоянный гость этого лета — Игорь Северянин:

На балкон входит проф. Щеголев, известный пушкиновед.

— А мы собираемся ловить раков. Пав. Елис., — обращается к нему А.Н. <Чеботаревская>, — Вы с нами?

²³ Уединенный домик на Васильевском. Рассказ А.С. Пушкина по записи В.П. Титова / с послесл. П.Е. Щеголева и Федора Сологуба. СПб.: Изд. товарищества писателей, 1913. С. 63.

²⁴ «Сегодня приехал П. Ел. — они устроились очень близко от нас — сегодня у них именины <...>» (письмо А.Н. Чеботаревской к А.В. Руманову от 29 июня 1913 г. из эстонского Иевве // РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 675. Л. 6). В этот день были именины самого Щеголева.

Добродушнейший Щеголев — человек компанейский и готов всюду и везде²⁵.

Соавтор Северянина по «поэзоальманахам двух» поэт Алексей Масаинов (воздухоплаватель, путешественник, будущий голливудский репортер) наблюдал обратную картину — визит Сологуба и Чеботаревской на званный вечер к Щеголевым:

Ровно через год в день тех же именин около 9 часов вечера в щеголевскую переднюю вошла большая шуба с енотовым воротником. В шубу был завернут маленький человек с лысой головой, серыми неприятными глазами и большой продолговатой бородавкой на щеке, около носа.

На человеке были высокие галоши, которые с него снимала торопливо некрасивая женщина, с изнеможенным, болезненным лицом. Человек был знаменитым русским писателем и поэтом Федором Сологубом, бывшим учителем, описавшим сам себя и самым подробным образом в романе «Мелкий бес».

Женщина же — она оказалась восторженной до истерики — была его женой Анастасией Чеботаревской. Обоих я хорошо знал по их литературным трудам, а многие стихи Сологуба, мастерски сделанные и глубокие — издавна помнил наизусть, однако, трудно было вообразить более комическую пару²⁶.

События, запечатленные в этом очерке, датировке поддаются с трудом — вероятно, речь идет о 1913 или 1914 гг. К последнему из них относится начало — не размолвки, но определенного охлаждения отношений, этапы которого хорошо видны по недавно опубликованному дневнику В.А. Щеголевой за 1915 год.

Их зафиксированные в дневнике встречи весьма многочисленны: в частности, Щеголевы присутствуют на именинах Сологуба, куда П.П. Потемкин приводит незваного гостя — Маяковского и где во время поздравительной речи Щеголева под величаемым ломается стул: «Засмеялись; а Ф<едор> К<узьмич> встал печальный, суровый и молча принес себе другой стул» [4, с. 214]²⁷. Здесь же запечатлены и два эпизода, которые будут иметь значительные последствия,

²⁵ Северянин И. Соч.: в 5 т. СПб.: Logos, 1996. Т. 5. С. 51.

²⁶ Масаинов А. Павел Елисеевич // Новое русское слово. 1932. 24 апреля. № 7028. С. 2.

²⁷ Публикаторы этого документа титулуют свою героиню именем «диаристка» [4, с. 194] — кажется, незаслуженным.

выходящие за рамки публикуемого эпистолярного диалога, но окрашивающие его²⁸.

Первый из них — это история с журналом «Лукоморье»: еще до войны его стал издавать М.А. Суворин, сын покойного А.С. Суворина, чье имя много лет служило жупелом для либерально настроенной интеллигенции. Подробно об этом рассказывается ниже, в комментариях к письму № 25; здесь же важна общая конфигурация положений: Сологуб принадлежал к тем, кто считал, что после начала войны партийные разногласия должны быть забыты²⁹; Щеголев, напротив, исходил из их незыблемости. Эта простая позиция усложнялась двумя обстоятельствами: воронежец Щеголев был земляком Суворина и в юности пользовался его протекцией; злоязычные современники передавали по этому поводу анекдот (в старинном смысле): «<...> Щеголев постепенно левел и вскоре сделал себе карьеру как журналист прогрессивного лагеря. Все было бы прекрасно, но вдруг юбилей Суворина. Пышный, очень громкий юбилей. Щеголев скрепя сердце явился на этот юбилей приветствовать своего благодетеля. К его ужасу на юбилейный банкет явились фотографии — снять юбиляра среди его друзей и приверженцев. Ничего не поделаешь: Щеголев встал в самом заднем ряду. Но перед тем как фотографии щелкнули своими аппаратами, он уронил платок и нагнулся, чтобы его поднять. Таким хитроумным маневром он спас свою литературную честь»³⁰. Другим обстоятельством было то, что

²⁸ Впрочем, легкая тень соловубовского недовольства чудится и в проходном эпизоде, хронологически предшествующем всем этим событиям. В апреле 1914 г. в собственном журнале Сологуба «Дневники писателей» появляется краткий, действительно дневниковый по жанру, обзор культурных событий за подписью издателя; в частности, там говорится: «П.Е. Щеголев в своей весьма интересной и превосходно написанной лекции доказывает, что Лермонтов был неправ в своей резкой оценке Дантеса, убившего Пушкина. Дантес был не хуже и не лучше многих других и привез с собою высокие рекомендации, так что ему не было надобности заниматься “ловлею счастья и чинов”. И в то время немногие думали, как Лермонтов. Светское общество не отвернулось от Дантеса. Тогда, как и теперь, не думали, что таланты следует оберегать. Тогда, как и теперь, были рады провозглашать, что сам поэт в том-то и том-то виноват» etc (*Сологуб Ф.* Заметки // *Дневники писателей.* 1914. № 2. С. 23). Ср. интонации и содержание письма № 19.

²⁹ Ср. характернейший эпизод: после лет тяжелейшей ссоры Д.В. Философов, приглашая Сологуба в редактируемый им журнал, подчеркивал: «<...> полемика происходила до войны. И я по совести скажу, что ввиду переживаемых нами жарких событий все произошедшие между нами недоразумения кажутся мне потерявшими свою остроту. Я по крайней мере чувствую потребность ликвидировать этот инцидент» (недатированный черновик // РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 87. Л. 3–4). В.А. Щеголева, услышав об этом, записывала в дневнике: «Фил<ософов> прислал письмо С<ологуб>у с примирением и приглашением в “Голос жизни”. Я думала, не пойдут после той гнойной брани и грязи злобной, какой Н<астасион>ъ <Чеботаревская> осыпал их весь этот год, к<а>к-то дико было слышать ее доводы “за”. Лишь бы платили и прославляли, а остальное не важно» [4, с. 202].

³⁰ *Чуковский К.И.* Собр. соч. М.: Терра – Книжный клуб, 2013. Т. 13. С. 511. Это припомнила ему и Чеботаревская в недатированном письме: «Ну скажите по совести, наедине — чем чище деньги “банкира Лесина” — денег “сыновей Суворина”? И почему Вам можно было издать книгу о Грибоедове у Суворина-отца, а Ф. К. нельзя дать — без

Щеголев принял на себя редактирование журнала «Отечество» — иллюстрированного двухнедельника патриотического направления, то есть выходящего буквально в формате «Лукоморья», но не несущего на себе груза суворинских стигм³¹: явная конкуренция двух журналов осложняла и без того непростую конфигурацию литературных отношений.

Вторым полем разногласий служил сюжет с «Русским обществом изучения еврейской жизни». В.А. Щеголева записывала в дневнике: «С<ологуб> и Н<астя> меня перестали удивлять. Что он равнодушен ко всему и ко всем, что он никого не любит: ни своих русских, ни евреев, что ему, а еще пуще, Н<астион>у нужна слава людская дешевая, распродажная, — ясно давно. Теперь эта история с евреями меня забавляет. Что ему евреи! а нет, как же, большое значение. Приобрести авторитет, их ведь много, что песок морской рассыпаются по весям и городам, а Ф<едор> К<узьмич> ничем не брезгует. Жаден, жаден до популярности» [4, с. 202]. Между тем, в 1916 г. Щеголеву пришлось в эту историю прямым образом вмешаться: среди участников филосемитского сборника возникли разногласия, и Сологуб вызвал одного из них, журналиста С.В. Познера, на третейский суд: с его стороны судьями были приглашены П.Б. Струве, Иванов-Разумник и Щеголев³². Дело кончилось скорее неблагоприятно для Сологуба и было прекращено, а за последовавшими в 1917 г. событиями постепенно забылась и вся история.

Примечательно, что Сологуб, радикально рассорившийся со своими бывшими приятелями, присягнувшими новой власти (известны его резкие высказывания по поводу Блока, Иванова-Разумника, Белого и многих других), никак публично не отозвался о Щеголеве, сделавшем при большевиках намного более яркую

всякой идейной связи — в Лукоморье — неск<олько> стихотвор<ений>» (ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 15 об.). Забавно, что сама архетипическая ситуация — благородный муж в собрании нечестивых — повторится с теми же действующими лицами в других декорациях: 25 февраля 1915 г. в «Бродячей собаке» на вечер в честь выхода альманаха «Стрелец» Щеголев будет доказывать, что соседство Сологуба и футуристов на страницах этого сборника лишено символического значения: «Тщетно пытался защитник символистов, П.Е. Щеголев, убедить собрание, что это участие Сологуба в «Стрельце» "является совершенно случайным"» (Ожигов А. О книге словесного пустозвонства // Современный мир. 1915. № 3. Паг. II. С. 166).

³¹ Отправляя первые номера Вяч. Иванову вместе с приглашением к сотрудничеству, Щеголев писал: «Дорогой Вячеслав Иванович, посылаю Вам вышедшие номера "Отечества". Журнал, как видите, патриотический. Цель — укрепление подъема духа и воли к победе» (письмо от 11 ноября 1914 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 39. Ед. хр. 48. Л. 1). Гиппиус, настроенная к военному энтузиазму вполне прохладно, замечала в дневнике: «Щеголев сделался патриотом, ничего кроме "ура" и "жажды победы" не признает» (Гиппиус З.Н. Собр. соч. М.: Русская книга, 2003. Т. 8. С. 158). Дополнительное измерение делу придавало то, что секретарем «Отечества» была Александра Николаевна Чеботаревская, родная сестра жены Сологуба (Рысс П. Портреты. Париж, 1931. С. 79). См. также: [3].

³² См.: [12, с. 342–343].

карьеру (что не было пропущено современниками: «Не в пример несчастному Сологубу, он великолепно ладил с большевиками и в новом режиме почти тотчас же протоптал себе свою вольную “щеголевскую тропинку”»³³). Переписка их действительно на четыре года замирает — но возобновляется при драматических обстоятельствах: по бюрократической причуде 1920-х годов для получения разрешения на выезд за границу советскому человеку требовалось «поручительство» другого лица — нечто вроде добровольного обращения себя в заложники. Именно этого рода бумаги Щеголев подписал для Сологуба и Чеботаревской — что, по не зависящим от него обстоятельствам, все равно им не помогло³⁴.

В 1920-е годы Валентина Андреевна Щеголева была среди наиболее близких к Сологубу лиц. Ее письма и дневники этого времени — один из важнейших источников к реконструкции его биографии закатных лет. А вот общение ее мужа с Сологубом явно сходило на нет — и, кажется, единственным его памятником осталась публикация сологубовских переводов в «Былом» и сопутствующие ей письма³⁵.

Переписка Сологуба и Щеголева сохранилась не полностью. Письма Сологуба хранятся в отделе рукописей ИМЛИ (Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 17), ответные — в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) (Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 778). Тексты печатаются без изъятий, общеизвестные имена не комментируются.

³³ Масаинов А. Павел Елисеевич. С. 2. Побывавший после долгого перерыва в Петрограде Г.И. Чулков писал жене 12 августа 1920 г.: «Прцветает П.Е. Щеголев» [11, с. 453]. Ср. характерную реакцию куда более умеренного Е.Е. Лансере: «Почитываю допросы сановников Временного правительства. И ужасно мелки, узко партийны, не государственные люди их вели, как будто вся беда была в каких-то провокаторах при с.деках или с.ерах! Действительно, вся эта сволочь (т.е. с.д. и с.р.) здорово отравила Россию, но беда старого режима, ей-Богу, не в провокаторах. Как мне мерзко теперь Щеголев, да и Блок, кажется, принимал с наслаждением участие в этом «спасении России»» (*Лансере Е.* Дневники. М.: Искусство XXI век, 2008. Кн. 2. С. 361).

³⁴ См.: [14, с. 81–82].

³⁵ Весной 1923 г. К.И. Чуковский предлагал Сологубу воспользоваться протекцией Щеголева для переиздания в Госиздате одного из романов: «Знаете ли Вы, что П.Е. Щеголев едет в это воскресенье в Москву? Говорили ли Вы с ним об издании “Творимой Легенды”? Если желаете, я могу переговорить с ним об этом сегодня в пять часов» (письмо Чуковского к Сологубу от 4 мая 1923 г. // *Чуковский К.И.* Собр. соч. М.: Терра – Книжный клуб, 2013. Т. 14. С. 537). Вероятно, предварительные (и неутешительные) переговоры по этому поводу состоялись: 29 мая 1923 г. В.А. Щеголева писала Сологубу: «Творимую легенду Г. И. <Госиздат?> пока не берется печатать, якобы слишком большая книга. Предлагает переиздать Мелкого беса. Рукопись Тв. лег. посылаю. Милый Федор Кузьмич, если Вы сегодня вечером свободны, навестите нас, мы очень, очень будем рады вас видеть» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 29).

1. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

1 января 1906

1 янв. 1906 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич,

Поздравляю с Новым Годом. Желаю счастья в нем. Неужели он не будет лучше старого?

Получили ли Вы мои книги?¹ Пригодилась ли Вам моя новогодняя повесть?²

Вчера мой посланный получал гонорар в Конторе Нашей Жизни³. Ему дали 2 р. 50 к. лишних, — сказали, что это за стихи, которые пойдут сегодня⁴. Не помню, какие это стихи, — не вышло ли ошибки?

Ваш Федор Тетерников.

P.S. А Вы у меня в эту зиму еще ни разу не были, — вот Вы какой!⁵

На бланке с типографской надпечаткой: Федор Кузьмич Тетерников / (Федор Сологуб) / Спб. В. О. 7 линия 20.

¹ Из книг, поднесенных за годы знакомства Сологубом Щеголеву нам известен лишь экземпляр сборника «Небо голубое», хранящийся в нашем собрании и экземпляр книги «Костер дорожный» (описан: *Варава Б.* Воспоминания сибирского книжника и антикара. М.: Среди коллекционеров, 2013. С. 34).

² Вероятно, речь идет о рассказе «Соединяющий души». С подзаголовком «Новогодний рассказ» он был опубликован в газете «Народное хозяйство» (1906. 6 января. № 19. С. 2–3), рассылавшейся подписчикам приостановленной цензурой газеты «Наша жизнь», в которой работал Щеголев.

³ «Наша жизнь» — ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета, издававшаяся в 1904–1906 гг.; в 1906 г. к ней выходило литературно-научное приложение.

⁴ В первую неделю 1906 г. стихи Сологуба не печатались ни в газете, ни в приложении к ней.

⁵ Подразумеваются еженедельные (по воскресеньям) литературные собрания у Сологуба, описанные многими мемуаристами (см., напр.: *Гиппиус З.* Живые лица. Прага, <1925>. Вып. 2. С. 95–113; *Пяст Вл.* Встречи / изд. подготовил Р.Д. Тименчик. М.: Новое лит. обозрение, 1997. С. 72–73, 83–85; *Чулков Г.* Годы странствий. Из книги воспоминаний. М.: Федерация, 1930. С. 145–163). «Тетради посещений», которые велись самим хозяином, сохранились лишь за отдельные годы (в частности, с февраля по май 1906 г., с сентября 1906 по май 1907 г. и т. д.) см. [15, с. 9–139]; Щеголев регулярно упоминается среди гостей.

2. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*28 января 1906*

28 янв. 1906 г.

Дорогому Павлу Елисеевичу
привет.

В воскресенье 29 января я прочту новый рассказ «Дикий бог»¹, —
и А.А. Кондратьев прочтет свой рассказ².

Жду.

Искренне преданный Вам

Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

¹ Список гостей, бывших у Сологуба 29 января 1906 г. не сохранился. Вероятно, Щеголев предложением воспользовался: 28 января З.Н. Гиппиус писала А.М. Ремизову: «Завтра, по обычности, обедать ждем, а уж после, пожалуйста, к Сол<огубу> поедем, иначе он меня заест! И Пав<ел> Ел<исеевич> тоже к Сологубу поедет (П. Е. у нас завтра обедает, коль не надует)» [8, с. 296]. Рассказ «Дикий бог» впервые был напечатан в редактируемом Щеголевым литературно-научном приложении к газете «Наша жизнь» (1906. № 5–6. 18 февраля. С. 33–35; № 7. 26 февраля. С. 51–53). Впоследствии вошел в книгу рассказов Сологуба «Истлевающие личности» (М., 1907. С. 3–15). Далее печатался в его собраниях сочинений под названием «За рекой Мейрур».

² Писатель Александр Алексеевич Кондратьев (1876–1967) вспоминал о первой встрече с Сологубом: «Я познакомился с поэтом Сологубом, когда тот, в качестве инспектора Андреевского городского училища, занимал казенную квартиру, из 4-х комнат, в здании этого училища, на Васильевском Острове. Как теперь вижу его кабинет, с барельефом, изображавшим профиль Федора Кузьмича, над письменным столом, и репродукциями произведений Фелисьена Ропса над диваном, исполнявшим, кажется, заодно и обязанности постели» (*Кондратьев А. Из литературных воспоминаний // Последние известия (Ревель). 1927. 6 января. № 5. С. 4*). В публикации 1906 г. он упоминается среди сологубовских гостей: «А. Кондратьев <sic!>, создатель эротических картинок из домашнего быта, древних богов, сатиров и “сатириесс” — пытливо и почтительно допрашивает замкнутого и насмешливого хозяина о люциферизме и других мрачных порождениях Средневековья» (*Маска <Годин Я.?.>. Литературный мир. У Федора Сологуба // Газета Шебуева. 1906. № 2. С. [4]*). Какой рассказ он читал 29 января, мы не знаем. Вероятно, это чтение сопровождалось каким-то неловким эпизодом: 11 февраля 1906 г., две недели спустя, А.М. Ремизов писал Сологубу: «Я очень благодарен Вам за Ваше приглашение. Читать рассказ отказываюсь, после Вас жутко и перед Вашими гостями стыдно. Участь А.А. Кондратьева меня не прельщает» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 580. Л. 1). Сологуб отвечал ему на следующий день: «Вы очень огорчаете меня Вашим отказом прочитать Ваш рассказ. <...> Вы мне ставите в вину то, что моей вины не составляет, а что было следствием капризных требований совсем не моих; — Вы сами знаете чьих. Я же гораздо охотнее читал бы после А.А. Кондратьева <...>» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 206. Л. 5).

3. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*30 января 1906*

30 января 1906 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

Будьте добры черкнуть, если не лень, не пригодится ли для Нашей Жизни рассказ «Дикий бог»¹.

Содержит он 800 строк.

В будущее воскресенье я прочту нечто в стихах². Буду рад, если придете.

Искренне уважающий Вас

Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).¹ См. прим. 1 к п. 2.

² Следующее воскресенье падало на 5 февраля. 3 февраля Сологуб писал М.В. Добужинскому: «В воскресенье 5 февраля я прочту "Литургию Мне"» (ГРМ. Ф. 115. Ед. хр. 290. Л. 4). Это художественное произведение (имеющее подзаголовок «мистерия») было напечатано в журнале «Весы» (1907. № 2. С. 9–26) и в том же году вышло отдельным изданием, немедленно конфискованным цензурой. На чтении 5 февраля присутствовал автор уже упоминавшегося выше репортажа: «Наконец Ф. К. приглашает всех собравшихся в просторный кабинет и приступает к чтению своей вещи. В последний раз он читал только что законченную мистерию "Литургия Мне" (ритуал и стихи). Чтение, прерываемое небольшими паузами длится... Монотонный, слегка усыпляющий голос звучит ровно и бесстрастно. Вереницей мелькают "Змий" и "Дракон", отроки, девы — участники мистерии. Мерные, словно кованные стихи, производят сильное впечатление, несмотря на некоторую туманность содержания» (*Маска*. Литературный мир. У Федора Сологуба // Газета Шебуева. 1906. № 2. С. [4]).

4. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*10 февраля 1906*

10 февр. 1906 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич,

В это воскресенье я буду читать последние главы Мелкого беса¹. Буду рад, если Вы пожелаете послушать.

С искренним уважением

Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

¹ В отличие от предыдущих дней, список присутствовавших на вечере 12 февраля сохранился [15, с. 77]; Щеголев приглашением манкировал. В этот вечер читалась финальная часть романа Сологуба «Мелкий бес», не вошедшая в журнальную публикацию (Вопросы жизни. 1905. № 6–11), которая прервалась на 24-й главе. На этот же вечер были приглашены А.М. и С.П. Ремизовы (письмо Сологуба от 10 февраля 1906 г. // РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 206. Л. 4) — и приглашение приняли. Одна из присутствовавших гостей, Л.Д. Зиновьева-Аннибал, тем же вечером писала своей приятельнице М.М. Замятниной: «Уехали в 11 $\frac{3}{4}$ к Сологубу. Тот читал конец “Мелкого Беса”» (слабо и неважно, т. е. не насущный хлеб) — до 4-х утра. А после 4-х, до 5 $\frac{1}{2}$ объяснение с В<ячеслав>ом, очень бурное и, увы, в результате которого Сологуб явился мне таким беднячком, бьющимся о свои грани и о свое ненапитанное тщеславие зверьком. Все-таки всеми правдами и неправдами помирила их. А вышло все из-за чертей сплетень и наускиваний, чертей, так обильно обитающих в литерат<урном> болоте. Только В<ячесла>в до сих пор не принялся еще к этому болотному душку и разгуливает невинным оборотом. Хотел В<ячесла>в сделать “доброе” Сологубу, а тот “увидел” себе обиду и оскорбление. Смешно и глупо. Ну, пока еще все устроилось, но, увы, мы оба потеряли истинное уважение к нему и к тому же убедились, что обманывали себя наивно в его чувствах якобы дружбы и любви к нам» [2, с. 167].

5. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

20 февраля 1906

20 февраля 1906 г.

Дорогому Павлу Елисеевичу
сердечный привет

Ничего не имею против перемены заглавия. Но не лучше ли тогда ввести в заголовок слово Зверь в той или иной комбинации? Напр. «Обожаемый зверь». — «Почитатели зверя»¹. — Впрочем, совершенно предаюсь в этом на Ваше решение.

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

¹ Может быть, речь идет о публикации второй части того же рассказа «Дикий бог» (см. прим. 1 к п. 2) — Впрочем, несмотря на согласие автора, она вышла под тем же названием. Ни «Обожаемого зверя», ни «Почитателей зверя» мы не знаем. Хотя зверь присутствует во многих заглавиях сологубовских рассказов («Звериный быт», «Страна, где воцарился Зверь», «Призывающий Зверя»), но ни один из них не подходит к этому контексту: иные уже напечатаны, другие еще не написаны.

6. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*3 марта 1906*

3 марта 1906 г.

Павлу Елисеевичу

сердечный привет

В воскресенье 5 марта я прочту новый рассказ — «В толпе»¹. Буду очень рад, если Вы захотите послушать его.

Давно уж Вы у меня не были. Жду.

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

¹ Рассказ «В толпе» впервые был напечатан: Новая иллюстрация. 1907. № 3. 5 февраля. С. 17–19; № 5. 5 марта. С. 33–38. На собрании 5 марта присутствовало 14 гостей, среди них был и Щеголев [15, с. 78].

7. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*29 марта 1906*

29 марта 1906 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

Посылаю Вам два стихотворения, на тот случай, если они пригодятся для Нашей Жизни¹. Гонорар желал бы получать по 75 к. за строку стихов.

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

¹ Одно из этих стихотворений — «В светлый день похоронили...», написанное в тот же день. В картотеке Сологуба на карточке с этим стихотворением сделана пометка: «Наша жизнь. 29 марта 1906» (Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. СПб.: Наука, 2014. Т. 2. Кн. 2 / изд. подгот. Т.В. Мисникевич. С. 648). Оно было опубликовано в № 410 «Нашей жизни» от 2 апреля (С. 2). Одновременно с ним, судя по той же картотеке, было отправлено стихотворение «Я дорогой невинной и смелою...», но в «Нашей жизни» оно не появлялось и было напечатано только через год: Образование. 1907. № 7. С. 47.

8. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*8 апреля 1906*

8 апр. 1906 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

Давненько Вы у меня не бывали. Был бы очень рад, если бы Вы собрались как-нибудь в воскресенье¹. До мая мы в городе. В мае уедем².

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 1).

¹ Щеголев был в ближайшее же после этого письма воскресенье — собственно, на следующий день, 9 апреля [15, с. 79].

² Сологуб вместе со своей больной туберкулезом сестрой Ольгой Кузьминичной Тетерниковой (1865–1907) отправлялись в Уфимскую губернию в кумысолечебное заведение (см. след. письмо).

9. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*22 мая 1906*

Шафраново, Сам<аро>-Злат<оустовской> Ж<елезной> д<ороги>
Кум<ысо>-леч<ебное> зав<едение> Нагибина¹.

22 мая 1906 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич,

Имею к Вам очень большую просьбу, и очень извиняюсь, если причину Вам этим беспокойство. Просьба состоит в следующем: не найдете ли Вы возможным устроить мне в Конторе Нашей Жизни рассрочку и уступку платы за объявления о книгах, — рассрочка с тем, чтобы плата производилась из гонорара, который я надеюсь получить, потому что пришлю нечто, — а уступка какая можно². И если это можно, то, м.б., Вы будете любезны передать прилагаемые 2 объявления для напечатания их раза по 2-3 в месяц в июне и в июле³. — Мы с сестрою забрались в Уфимскую губернию, т. к. сестре надо пить кумыс. Жарко, ясно, сухо. Кругом видны холмы, и глядя на них, можно вспомнить, что близки Уральские горы. Цветет кумыс⁴, пахнет приятно, пыль черноземная, на полях валяются обломки известняка и кварца. Вблизи есть речка, шумная, холодная и быстрая. Подробности — давно уж описаны стариком Аксаковым⁵. —

Как Вы поживаете? От сестры и от меня сердечный привет Валентине Андреевне⁶ и Вам.

Преданный Вам Федор Тетерников.

¹ В профильном справочнике указывалось: «Кумысолечебница врача Анатолия Львовича Нагибина находится в Белебеевском уезде Уфимской губернии, в 3-х верстах от ст. «Шафраново», Самаро-Златоустовской жел. дороги. Заведение имеет 10 отдельных семейных дач, 3 отдельных дома с номерами и 3 маленьких домика. Помещения внутри оштукатурены. Полный пансион (питание 3 раза в день: утром чай, кофе, молоко, подается белый хлеб, масло, яйца; завтрак из 1-го блюда, обед из 3-х блюд) — около 50 руб. в месяц; кумыс. Комнаты от 25–50 руб. в месяц, посезонно от 120–130 рублей. Семейные квартиры 225 руб. за сезон и 120 руб. ежемесячно. Прислуге за подачу самоваров отдельно — 3 рубля в месяц» (Лечебные местности России. Справочник. 1915. <Пг., 1915>. С. 443–444).

² Вопреки ожиданиям, в «Нашей жизни» стихи Сологуба больше не печатались, а вскоре (11 июля) и сама газета была закрыта.

³ Эта просьба была выполнена: в № 469 «Нашей жизни» от 11 июня 1906 г. была помещена реклама «Книги Федора Сологуба: Тяжелые сны. Роман. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к. Родине. Стихи. Книга 5. Цена 25 коп.»; в № 474 от 17 июня 1906 г. — только сборник «Родине»; в № 477 от 21 июня 1906 г. — опять две книги.

⁴ Может быть, описка вместо «ковыль»?

⁵ Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859) был уфимским уроженцем; многие местные реалии присутствуют в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука».

⁶ Валентина Андреевна Щеголева (урожд. Богуславская; 1878–1931) — актриса; жена П.Е. Щеголева. Подробнее см. вступ. ст.

10. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

1 декабря 1909

1 дк. 1909 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

Поздравляю Вас и Валентину Андреевну с Новым Годом¹. Шлю наилучшие пожелания, и Анастасия Николаевна² тоже. Очень ждем Валентину Андреевну к нам 3 декабря вечером³.

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой: Федор Кузьмич Тетерников / (Федор Сологуб) /

СПБ. Гродненский пер. 11, кв. 7.

¹ Все это письмо в целом (и эта фраза в частности) выглядит весьма загадочно. Как известно, Щеголев 13 января 1909 г. был арестован в зале суда и приговорен к трем годам тюремного заключения, которые и отбывал в «Крестах» — в одиночной камере с допуском в нее необходимых для работы книг. Вышел на свободу в мае 1911 г. Таким образом, ни поздравление с новым годом за 30 дней до него, ни

необходимость повторять приглашение находящейся на воле жене через заточенного в тюрьму мужа мы объяснить не можем.

² А.Н. Чеботаревская (1876–1921) — супруга Ф. Сологуба. Подробнее см. вступ. ст.

³ Никаких подробностей о занятиях Сологуба в этот день мы не знаем. Это был четверг, так что и традиционного приема 3 декабря, вероятно, не было. Этим же днем датировано письмо З. Гиппиус к Сологубу, где она жалуется на его домогательство, но это, вероятно, просто случайность.

11. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

15 декабря 1909

СПб. Тюрьма, Арсенальная наб. 5

Дорогой Федор Кузьмич, Валентина Андреевна передаст Вам сущность моей просьбы¹. Если имеете хоть малейшую возможность, используйте ее и сделайте поистине доброе дело. Шлю Вам свои поздравления с Новым Годом, желаю здоровья, успехов литературных и благополучия. Анастасии Николаевне также мой привет и пожелания.

Искренне Ваш П. Щеголев.

15 дек. 1909

¹ О чем идет речь, мы не знаем.

12. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

9 апреля 1910

Дорогой Федор Кузьмич,

если Вы надумаете презентовать выходящее ныне собрание ваших сочинений, то будьте добры, проставьте, если это не затруднит Вас, годы и месяцы написания каждой вещи¹. Буду весьма Вам благодарен, а засим желаю Вам и Анастасии Николаевне доброго здравия и благополучия.

Искренно Ваш

П. Щеголев.

9 апр. 1910

Арсенальн. набережная д. 5

Штампы «С. П. Т.» и «С.П. Б. тюрьма. Просмотрено».

¹ В 1910 г. выходило 12-томное собрание сочинений Сологуба под маркой издательства «Шиповник». В частности, в первом полугодии вышли тт. 1, 3 (оба с 1 по 9 января), 4 (с 3 по 10 марта), 5 (с 13 по 20 апреля), 6 (с 27 апреля по 4 мая) и 7 (с 11 по 18 мая). Неизвестно, выполнил ли Сологуб просьбу Щеголева о простановке дат: его экземпляр (о котором см. след. письма) вероятно, утрачен.

13. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

После 10 апреля 1910

Арсенальная набережн., 5

Дорогой Федор Кузьмич, спасибо за собрание сочинений; начал вновь перечитывать их, с «Мелкого беса». Последний раз читал в 10м издании Шиповника¹: скажите, ведь Вы должно быть после этого подвергли роман сильной редакции?² Почему у меня теперь иное впечатление: книга как будто стала проще, общедоступнее, но в то же время потеряла какую-то очень милую особенность. Или такое чувство оттого, что читатель т.е. я изменился! Хорошо, что Вы издали библиографию и дали ее мне³, но мне нужно другое. Любопытнее год возникновения, а не год появления в печати: они ведь не совпадают. А мне бы нужно было бы прочесть Вас в хронологическом порядке. Когда выйдут отдельно «Навыи чары»? Я читал только первую часть, ибо остальные альманахи мне были уже недоступны⁴. Скажите, что нового на горизонтах русской словесности, мне за моим отсутствием неизвестного, но достойного чтения. А все Пушкиным занимаюсь⁵. Желаю Вам здоровья и работ, которые принесли бы Вам полное удовлетворение.

Анастасии Николаевне прощу с приветом кланяться.

Ваш П. Щеголев.

Штампы «С. П. Т.» и «С.П. Б. тюрьма. Просмотрено». Датируется по связи с предыдущим письмом.

¹ Первое книжное издание «Мелкого беса» вышло под маркой издательства «Шиповник» в первой половине 1907 г.

² Щеголев ошибается: роман подвергался ощутимой правке на этапе подготовки к журнальной публикации, косметической — между журнальной и книжной, но между прижизненными отдельными изданиями текстологической разницы совсем немного; см. в статье М.М. Павловой «Творческая история романа “Мелкий бес”» (*Сологуб Ф. Мелкий бес*. СПб.: Наука, 2004. С. 747–757).

³ Речь о книге: Библиография сочинений Федора Сологуба. Ч. 1. СПб., 1909. Об обстоятельствах ее появления сообщает дневниковая запись Ф.Ф. Фидлера: «И он <Сологуб> показал мне несколько чисто заполненных тетрадей, в которые уже ровно двадцать пять лет заносит без исключения все, что им напечатано (что, где, когда, под какой подписью). Он хотел бы опубликовать (!) весь этот библи-

ографический перечень (чтобы он не погиб — например, при пожаре), но издание двух-трех печатных листов обошлось бы ему в сто рублей. Увидев сомнение на моем лице и не услышав одобрения с моей стороны (я даже посоветовал ему напечатать всего двадцать оттисков), он робко сказал: “Можно было бы издавать общую автобиографическую серию; а моя библиография стала бы первым выпуском. Не сомневаюсь, что многие последовали бы моему примеру”» (Фидлер Ф. Из мира литераторов. Характеры и суждения / изд. подгот. К. Азадовский. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 513).

⁴ «Навыи чары» — первая часть романа «Творимая легенда»; она напечатана: Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». Кн. III. СПб., 1907. С. 189–305. Следующие части публиковались: Ч. 2: Там же. Кн. VII. СПб., 1908. С. 155–242; Ч. 3: Там же. Кн. X. С. 115–272; Ч. 4: Земля. Кн. 10. М., 1912. С. 121–296; Ч. 5. Там же. Кн. 11. М., 1913. С. 113–284. В значительно переработанном виде роман занял три последних тома (тт. XVIII–XX) собрания сочинений Сологуба под маркой издательства «Сирин» (СПб., 1914).

⁵ Пушкиноведческая библиография Щеголева весьма обширна; в 1910 г. вышла его книга «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина», в 1912 — «Пушкин. Очерки», в 1916 — «Дуэль и смерть Пушкина» (все — СПб.) и т.д.

14. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

30 января 1911

Арсенальная наб. 5

30 янв. 1911

Дорогой Федор Кузьмич, позвольте мне еще раз обратиться к Вам с просьбой особого содержания. Дело вот в чем. У меня есть сосед, который сидит уже четвертый год. И засиделся и проголодался, живя все эти годы впроголодь. Это было бы еще ничего, но недостаточное питание подорвало его здоровье. У него была уже два раза цинга, а теперь он лежит с жесточайшим суставным ревматизмом. Сидеть ему остается всего 5 месяцев, но доктор сказал, что если с ним случится за это время еще раз цинга, то это может быть для него концом. Ему надо немного подкормиться; человек он совершенно неимущий, и ни на чью помощь не может надеяться. Я обращаюсь к Вам, не поможете ли Вы. Почему я обращаюсь к Вам? Да потому, что в Вас есть особенная щедрость и Вы просто даже не станете входить в рассуждения из-за такой мелочи. Нужно ему всего-навсего по 10 рублей в месяц или 50 руб. на все время. Это — совершенно ничего не значащие для Вас пустяки, а не стоит пропадать человеку из-за таких пустяков. Поэтому я прошу Вас не отказать в этой просьбе и надеюсь крепко, что отказа не случится. Это письмо Вы ни в коем случае не оставляйте без ответа. Если он будет отрицательный (не чаю я этого!), то напишите прямо мне по указанномуверху письма адресу, а положительный, т. е. деньги можно посылать или послать

хоть Валентине Андреевне, хоть (не упоминая обо мне) по почте от своего имени самому соседу и даже можно опять-таки мне.

Всего Вам хорошего. Будьте здоровы. Поклон мой — Анастасии Николаевне.

Искренне Вас уважающий П. Щеголев.

Зовут его Иван Дмитриевич Хрулев¹.

¹ Среди писем В.А. Щеголевой к Сологубу сохранилась записка, относящаяся к этому же сюжету; она датирована 29 октября 1910 г.: «Посылаю Вам письмо Павла Елисеевича, которое лежит у меня с давних пор, недели 3. Он в нем опять прибегает к Вашему милосердию в пользу одного сидящего в “Крестах” бедняги, у которого от плохой пищи развилась цинга. Если у Вас найдется излишек рублей в 10, перешлите его этому человеку, зовут его Илья Дмитриевич Хрулев, прибавьте, что деньги эти ему посылает брат или сестра, имени своего не ставьте» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 8–8 об.). Это усложняет всю конструкцию: во-первых, здесь Иван оказывается Ильей, а во-вторых, письмо Щеголевой написано за три месяца до письма ее мужа. Как объяснить это, мы не знаем, но при этом Илью идентифицировать проще, чем Ивана: это крестьянин Псковской губернии, работавший в конторе социал-демократической газеты «Путь Правды». Партийная кличка у него была «Павел», а оперативный псевдоним — «Молчалин» (чувствуется влияние соседа по «Крестам»!), ибо с 1914 г. он служил секретным сотрудником Петербургского охранного отделения (см.: *Закс Г.* Семен Рошаль в подполье // Революционное юношество. Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Л., 1924. Сб. 1. С. 119). В 1919 г. Хрулев арестовывался в Пскове «за контрреволюционные действия», в январе 1920 г. был освобожден, в декабре арестован вновь «как провокатор царской охранки» и 23 декабря расстрелян по приговору коллегии Псковской ГубЧК. Год рождения его в разных документах приводится как 1878 или 1879. Известно, что Сологуб откликнулся на эту просьбу — 27 марта 1911 г. Щеголева писала ему: «Павел Елисеевич просит Вам передать, что деньги, посланные Вами Хрулеву, он получил, очень вас благодарит за него» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 21). Через три дня благодарил и сам Щеголев (см. след. письмо).

15. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

30 марта 1911

Арсенальная наб. 5 Т.<юрьма>

30 марта 1911

Дорогой Федор Кузьмич,
деньги получил и благодарю Вас.

Имею большую к Вам просьбу. Не могли бы Вы через знакомых художников достать для меня недели на 2–3 два издания: 1) Старые годы за 1908, 9, 10 и 11 годы и 2) Царское село Бенуа¹. Будут возвращены в полной сохранности. Я не имею возможности достать этих книг из тех библиотек, которыми я пользуюсь, а они очень мне нужны для моих работ.

Послать эти книги можно лучше всего прямо сюда, по вышеуказанному адресу, на имя г. Библиотекаря здешней библиотеки с приписанием «для П. Е. Щ.». Так будет удобнее всего. (Можно и прямо на мое имя, можно и передать Вал. Андр.)

Буду Вам очень благодарен за это содействие.

Как поживаете? Как Ваши работы?

Будьте здоровы. Поклон мой Анастасии Николаевне.

Ваш П. Щеголев.

¹ «Старые годы» — иллюстрированный журнал, «ежемесячник для любителей искусства и старины», издававшийся в 1907–1916 гг. Затребованный Щеголевым комплект за четыре года представлял собой немалую ценность и был достаточно объемным. Еще дороже и форматнее была монография А.Н. Бенуа «Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны» (СПб., 1910) — роскошно изданный, богато иллюстрированный волюм в большую 4°.

16. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

8 апреля 1911

8 апр. 1911 г.

Х. В.

Дорогой Павел Елисеевич,

Поздравляю Вас с наступающим праздником. — Ужасно досадно, что у меня у самого нет книг, о которых Вы мне писали. Я обращался кое к кому за этими книгами, но пока еще не сумел их достать¹. Буду очень рад, если мне удастся Вам их доставить. — Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой: Федор Кузьмич Тетерников / (Федор Сологуб) / СПб. Разъезжая 31, кв. 4 / Телефон 106-44.

Треугольный штамп: СПб. Тюрма. Просмотрено.

¹ Сологуб пытался раздобыть «Царское Село» непосредственно у его автора: «Политический заключенный Павел Елисеевич Щеголев, довольно известный историк, имеет необходимость для своих работ просмотреть Вашу книгу Царское Село; она ему нужна недели на 2–3» (письмо Сологуба к А. Бенуа // ГРМ. Ф. 137. Ед. хр. 1558. Л. 2–3).

17. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*Около 1/14 октября 1911*

Дорогие и милые Валентина Андреевна и Павел Елисеевич, шлю Вам сердечный привет из Милана¹. Здесь орут ужасно по ночам, рады войне² и вообще народ не слишком приятный. Впрочем, все иностранцы, — мы для них, они для нас. И тепло, — благодать. — Ан. Н. кланяется.

Вам сердечно преданный

Федор Тетерников.

Открытка. Почтовый штемпель: Милан (14.10.1911).

¹ Первая заграничная поездка Сологуба и Чеботаревской документирована довольно скупо. Сологубы выехали в Европу в середине сентября 1911 г. (ср. сеговения С. Городецкого: «А Петербург» в этом году пустует: Верховский тоже уехал в Тифлис профессором, Сологуб уехал, Вяч. <Иванова> нет еще» (письмо Г.И. Чулкову от 21 сентября 1911 г. // РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 4). В тот же день (21 сентября / 4 октября) Сологуб писал З. Гиппиус из Мюнхена: «<...> были мы в веселой Вене, теперь в веселом Мюнхене. <...> Сочетание Проппелев и сосисок, античности и пива производит ошеломляющее впечатление: когда же от него очнешься, то видишь, что здесь очень приятно жить» (РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1). 28 сентября 1911 г. помечено швейцарское стихотворение Сологуба («Проснувшись не рано, / Я вышел на балкон. / Над озером Лугано / Дымился легкий сон»), 25 октября 1911 г. — монашеское («Здесь, над милой Кондаминой, / Где нежна природа-мать» etc). 27 октября 1911 г. К. Сомов писал Чеботаревской, адресуясь в Монако: «Как игра? Все удача?» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 267. Л. 37). В недатированном (октябрь — декабрь 1911 г.) письме Сологуб писал В.Э. Мейерхольду из Монако («Hotel d'Orient»): «Наша Кондамина, где мы живем, — уютное и милое место, откуда близко ко всему, что здесь есть. Живем тихо, читаем “Речь”, которая приходит к нам на пятый день, понемножку играем, слушаем музыку в концертном зале здешнего Казино» (опубл. Ю.Е. Галаниной: [15, с. 326]). Из Монако они перебрались в Мюнхен, откуда делились впечатлениями; вернулись в начале декабря: «На днях приехали Сологуб и сестра, хотя их рассказы о Монако, Вене и Мюнхене возбудили скорее тоскливое чувство» (письмо Ал. Н. Чеботаревской к М. Гершензону от 16 декабря 1911 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 43. Ед. хр. 23. Л. 15). Печатаемая открытка добавляет еще одну дату и место: Милан, 1/14 октября.

² В конце сентября 1911 г. началась турецко-итальянская война.

18. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ*7 декабря 1912*

Дорогой Федор Кузьмич

Звонил Вам, хотел поговорить лично. Теперь пишу. Очень прошу Вас выручить меня. Мне завтра в 9 ч. утра надо заплатить один долг, и нужно 160 рублей, а их нет и достать их ниоткуда в такой короткий

срок не могу. Вы один раз меня выручили, но я до сих пор не вернул Вам 70 рублей. В среду — не позже (т. е. 12 декабря) я верну (на этот раз — без отмены <?> и промедления) Вам 200 рублей, а в субботу 15 остальной долг.

Очень прошу помочь, а не отказать: весьма приперло и трудно выкрутиться. Заранее благодарю Вас за возможность надежды.

Буду я с 10 ½ часа в квартире Я.Я. Брусова¹. Телеф. 413–27.

Деньги (160 р.) прошу смело вручить посланному, взяв с него расписочку.

Если бы оказалась меньшая сумма, то просил бы и меньшую, но для устройства окончательного моих дел необходимо именно 160 рублей.

Ваш П. Щеголев.

Пятница

7 дек. 1912

¹ Инженер-архитектор Яков Яковлевич Брусов (1871 — после 1923) жил по адресу: Каменноостровский пр., д. 57. Брусов и его жена упоминаются в дневнике В.А. Щеголевой за 1915 г.: [4, с. 209].

19. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Ок. 10 февраля 1913

Дорогой Павел Елисеевич,

Только что кончил статью, о которой мы говорили, и посылаю Вам ее. Буду рад, если пригодится¹.

Мне очень жаль, что мы так сердито шумели в раннее утро вторника. Я уверен в Ваших искренно-дружеских чувствах ко мне и совершенно согласен с тем, что гораздо лучше и достойнее прямо высказать свои мысли, чем любезно умалчивать. Чрезмерная страстность разговора, конечно прискорбна, но случайна. По существу же я думаю по-прежнему. В жизнь мою пальцем не пошевелил я, чтобы кому-нибудь понравиться, и своими выгодами и пользами интересовался лишь в мере крайне-необходимого, — а вот такие люди, как Ф.Д. Батюшков, имеют смелость называть меня рекламистом². Что же мне делать с такою зверскою несправедливостью ко мне? Все-таки оглядываться на того же Батюшкова и соображать, что в моих поступках ему может не понравиться? Не стоит. А на Тургенева

мне оглядываться тоже не приходится. Ни я сам не давал никому обещаний поступать сообразно тем или другим традициям, по-тургеневски или по-гоголевски, ни критика не возносила меня на такие высоты, ни публика меня так не ценила. Да и Тургенев, поступая так, как Вам кажется правильным, не избег пасквиля Достоевского, который обвинял Тургенева как раз именно в том же, в чем мои милые современники хотят обвинять меня: в кокетничании своею славою и в искании популярности³. Современники во все времена любили злословить, меня же злословят с особенным удовольствием, и вот именно потому, что я избегаю тех путей к популярности и влиянию, которыми пользуются другие; и злословить меня удобно именно потому, что я и не имею ни популярности, ни влияния; какую мерзость про меня ни напиши, ей поверят. Переменить это я не умею и, по всей вероятности, не сумею. Ну, а через 100 лет все это, конечно, изменится, потому что вообще потомки лучше разбираются в делах предков, чем сами предки⁴.

Ваш Федор Тетерников.

Помета неизвестной рукой «10 февр. 1913». Датируется по этой пометке.

¹ Если довериться проставленной на письме неизвестной рукой дате, то статью Сологуба опознать не так-то просто. Ближайшая его статья после этого письма — «Приземистые судят» (Театр и искусство. 1913. № 7. 17 февраля. С. 162–164). В ней автор полемизирует с критиками драмы Л. Андреева «Екатерина Ивановна» и сочувственно цитирует Василиска Гнедова — то есть никакой связи с содержанием этого письма не просматривается. Более того, нам неизвестно никаких связей между Щеголевым и этим журналом, которые заставили бы Сологуба прибегнуть к его посредничеству: он сам печатается там регулярно. Щеголев вновь поступит на редакционную работу лишь в последние дни того же 1913 г., когда возглавит литературный отдел газеты «День» — но тогда потребуются пересмотреть датировку письма. Остается еще шанс, что речь идет о статье-послесловии Сологуба для совместного с Щеголевым издания «Уединенного домика на Васильевском» (см. вступ. ст.).

² Многолетнее знакомство Сологуба с ученым-филологом и членом литературно-театрального комитета при Петербургских императорских театрах Федором Дмитриевичем Батюшковым (1857–1920) было омрачено несколькими конфликтами, в том числе публичными. Наиболее известный из них разразился осенью 1912 г. В ответ на упрек Д.В. Философова в пренебрежении Театрально-литературного комитета к современной драматургии (Казенно-театральное // Речь. 1912. 19 сент. № 257. С. 2) Батюшков писал: «А что другое ему делать? Не выступать же в роли босоножки в какой-нибудь пьесе Сологуба...» (Речь. 1912. 19 сент. № 257. С. 2); в свою очередь Сологуб отвечал ему: «Не понимаю, как возникла у г. Батюшкова такая мысль; ни о чем подобном я его никогда не просил; напротив, если бы мне привелось узнать, что г. Ф. Батюшков изъявляет желание исполнить роль босоножки в моей “какой-нибудь” пьесе, то я настойчиво просил бы режиссера и дирекцию не потворствовать такой фантазии и дать дорогу молодым силам» (Биржевые ведомости. 1912. 20 сент. № 13153. Веч. вып. С. 8); перепечатано во многих газетах.

История имела продолжение: в № 317 «Петербургской газеты» был напечатан отчет о сделанном накануне докладе Батюшкова во Всероссийском литературном обществе по поводу драмы Сологуба «Заложники жизни». Среди прочего в нем было сказано: «Газеты констатировали успехи аксессуаров, но не самой пьесы, были протесты со стороны публики и очень дурно высказались о Сологубе наиболее почтенные артисты Александринского театра» (*Театрал.* Ф.Д. Батюшков против Федора Сологуба // *Петербургская газета.* 1912. 17 ноября. С. 5). Сологуб ожидаемо откликнулся открытым письмом (Инцидент «Сологуб-Батюшков». Открытое письмо г. Сологуба — г. Батюшкову // *Петербургская газета.* 1912. 21 ноября. № 321. С. 6). Одновременно он писал В.А. Теляковскому, директору Императорских театров: «Очень извиняюсь в том, что решаюсь утруждать Ваше внимание, но, после долгих сомнений и колебаний, я все-таки позволяю себе просить Вас просмотреть прилагаемую вырезку из газеты. Очень прискорбно, что председатель литературно-театрального комитета, не ограничиваясь критикою пьесы, говорит публично о дурных отзывах обо мне почтенных артистов» (Гос. Центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина. КП 226027). Завязалась открытая переписка, печатавшаяся в следующих номерах «Петербургской газеты»: письмо Батюшкова в № 322 и Сологуба в № 323, после чего эпизод, вероятно, был исчерпан, хотя память о нем осталась: даже через год, 6 ноября 1913 г., Сологуб в письме к В. Гиппиусу упоминает Батюшкова среди лиц, «которые во все времена восхваляют покойников и грызут живых» (ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 224. Л. 9 об.).

Дело усугубилось публикацией в декабрьском номере журнала «Современный мир» обширной статьи Батюшкова «В походе против драмы» (Современный мир. 1912. № 12. С. 234–248), посвященной недружелюбному разбору пьесы Сологуба «Заложники жизни», поставленной в Александринском театре. Там, в частности, была повторена задевшая Сологуба фраза: «Были и резко отрицательные отзывы, как и в самом театре раздавались протесты части публики, неудовлетворенной показанной ей новинкой. Среди самых почтенных артистов Александринской труппы постановка пьесы произвела настоящий переполох» (С. 235).

³ Вероятно, из всей богатой истории диалога Достоевского и Тургенева Сологуб имеет в виду лишь изображение последнего в образе писателя Семена Егорова в романе «Бесы».

⁴ Не беремся сказать, насколько можно судить об этом по наст. публикации.

20. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ

9 марта 1914

Дорогой Федор Кузьмич,

я ждал приезда Г.И. Чулкова, чтобы обсудить вместе с ним создавшееся положение. После последнего с Вами и с Анастасией Николаевной разговора по телефону у меня создалось такое впечатление: Вы представляете себе дело так, что мы вступили в какое-то с Вами соперничество, что мы замыслиаем что-то Вам неприятное.

Последнее дело, по моему мнению, литераторам заниматься конкуренцией на почве литературных выступлений. Устраивая диспут, я не знал, что первая мысль о нем явилась у Вас, и потому мы с Г. И. пришли к убеждению, что самое лучшее с нашей стороны отказаться от устройства всякого диспута о «Бесах»¹.

Всего Вам лучшего.

Искренне Вас уважающий

П. Щеголев.

9 марта 1914

Последняя цифра года переправлена из «5».

¹ Осенью 1913 — весной 1914 г. в русском обществе возникла горячая полемика по поводу романа Достоевского «Бесы», первоначально стимулированная скандальной постановкой Московского Художественного театра (предварительный свод публикаций см.: Белов С.В. Ф.М. Достоевский. Указатель произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб.: РНБ, 2011. С. 409–413). На конец марта 1914 г. была запланирована лекция Г.И. Чулкова в Петербурге с последующим диспутом. 1 марта Чулков, выехавший в Москву (в том числе имея среди задач посмотреть пресловутый спектакль) писал жене: «Скажи по телефону П.Е. Щеголеву, что в программу моей лекции “Бесы” надо вставить две фразы: 1) “Письмо Максима Горького” — это после фразы “Критики прежде и теперь” и 2) “Постановки ‘Николая Ставрогина’ в Художественном театре” — это после фразы “Достоевский и театр”. Пусть Павел Елисеевич сам прокорректирует теперь. Передай ему это тотчас же» [11, с. 483]; замечания касались предварительного плана лекции, который нужно было утвердить у полицейского начальства. На следующий день, 2 марта, Чулков писал жене: «Был в Художественном Театре на “Бесах”. Достоевский обезображен. Не мог досидеть до конца. <...> Разговаривал с Вяч. Ив. <Ивановым> по телефону. Он отказывается приехать в Петербург на диспут, потому что 26 у него лекция в Москве. Объясни это по телефону Щеголеву» [11, с. 484]. На следующий день, 3 марта Н.Г. Чулкова писала мужу: «Милый Георгий, твою лекцию Долидзе устраивает 24-го марта и снимет какое-то очень большое помещение на Невском. Щеголев мне каждый день телефонирует, все жалуется на Настасью Николаевну <Чеботаревскую>. Он с ней все сорисался. <...> Итак, имей в виду, что здесь ты читаешь 24 марта. Щеголев приглашал Сологуба, но он отказался, хотя очень нерешительно» [11, с. 484]. Таким образом выходило, что из двух намеченных для диспута ораторов оба отказались — Вяч. Иванов 26 марта читал в Политехническом музее доклад «Новалис, певец и волхв» (РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 5), а Сологуб отказался, как следует из печатаемого письма, из-за наличия у него сходных планов. 9 марта, уже вернувшись в Петербург, Чулков писал ему:

«Дорогой Федор Кузьмич!

Только сегодня вернулся из поездки в Петербург <sic> и узнал от Павла Елисеевича, что Вы отказались принять участие в прениях после моей лекции о “Бесах”. Это меня удивило и огорчило. Насколько я понял, отказ Ваш связан с планом другого диспута на ту же тему. Если Вы смотрите на такое совпадение как на известное “соперничество”, я, разумеется, не могу признать его желательным и возможным. Поэтому, дорогой Федор Кузьмич, без колебания отказываюсь от плана устроить мою лекцию и беседу после нее, давно уже задуманные мною. Я очень рад, что Павел Елисеевич разделяет мою точку зрения. Привет Анастасии Николаевне.

Крепко жму Вашу руку.

Душевно Ваш Георгий Чулков» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 746. Л. 7).

Вероятно, этим сюжет и был завершен. Состоялась ли запланированная лекция Чулкова, мы не знаем.

21. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*Середина (до 20) октября 1914*

Пятница.

Дорогой Павел Елисеевич,

Посылаю Вам стихи о бельгийцах, о которых мы с Вами говорили по телефону¹. Вы сказали мне, что пришлете за ними в четверг, — потому я вчера и не позаботился об этом сам. Если стихи не нужны, потому, что опоздали, или по иной причине, будьте добры известить.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Судя по вносимой позднее правке (см. п. 22), речь идет о стихотворении «Утешение Бельгии» («Есть в наивных предвещаньях правда мудрая порой...»). Оно было впервые напечатано в подведомственной Щеголеву газете «День» (1914. 21 октября. № 286. С. 3).

22. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*. Середина (до 20) октября 1914*

Дорогой Павел Елисеевич,

Если Вы ничего не имеете против стихотворения в целом, то могу предложить Вам такой вариант взамен «Кельна и Ахена»:

На полях, омытых кровью, алый цвет любви взойдет,
В городах опять веселье брабансону запоет¹.

Или, без ущерба для смысла, эти два стих<a> можно совсем пропустить.

Ваш Федор Тетерников.

P.S. С Барятинским² я говорил по телефону, и послал ему стихи; только вариант не был еще придуман. Теперь, стало быть, остается Вам с ним переговорить; если он возьмется, пожалуйста, сообщите ему вариант.

Датируется по содержанию.

¹ Речь идет об упоминавшемся в п. 21 стихотворении «Утешение Бельгии» («Есть в наивных предвещаньях правда мудрая порой...»). Оно напечатано: День.

1914. 21 октября. № 286. С. 3. Очевидно, по цензурным или иным соображениям редакция пожелала заменить двустилишие «На полях, омытых кровью, розы мира расцветут, / И к его державе светлой Кельн и Ахен отойдут». Предложенная Сологубом замена также не подошла, так что стихотворение было опубликовано в газете вовсе без этих двух строк.

² Вероятно, это Владимир Владимирович Барятинский (1874–1941) — публицист, писатель и переводчик.

23. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Ок. 19 июня 1915

Песочное, Ярослав. губ., село Красное, усадьба Тихменевых.

Дорогой Павел Елисеевич,

Шлю Вам с берегов Волги сердечный привет. Десять дней странствовали мы по этой восхитительной реке и наконец нашли премилую дачу под Рыбинском¹. Как Вы поживаете? Черкните пару слов.

Желаю приятных дней.

Ваш Федор Тетерников.

P.S. Можно бы здесь найти дачу и для Вас, если Вы еще не устроились.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Намерение об отъезде сперва было высказано печатно, а пункт назначения означен предположительно: «Автор “Мелкого беса” Ф.К. Сологуб поедет в имение, находящееся в 20-ти верстах от Ярославля, где займется новой большой работой» (Писатели на летнем отдыхе // Биржевые ведомости. 1915. 19 мая. № 14851. С. 6); в эти же дни ждали его, впрочем, и в Старой Руссе: «Здесь часто вижусь с Ауслендером и у него бываю. Хочет приехать сюда и старый пес с Настей» (т. е. Сологуб с А.Н. Чеботаревской; письмо Б. Садовского к А. Тинякову 27 мая 1915 г. // РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 36. Л. 57). Еще 5 июня Сологуб просил прислать ему экземпляр альманаха «Артист — солдату» по адресу «Диево Городище» Ярославской губернии и уезда (письмо к А.В. Руманову // РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 633. Л. 5). Первое из известных нам писем, помеченных Красным, отправлено 12 июня 1915 г. тому же Руманову (Там же. Л. 3; в архивной единице документы лежат не по порядку). Некоторое время спустя Сологуб суммировал первые впечатления: «В том месте, где я живу, так очаровательно-мягкая, милая, немножко косолопая, плутоватая и восхитительная Волга перед глазами, что сердце с особенною приятностью стремится приветствовать тех, о ком есть такие милые воспоминания. Мне почему-то кажется, что если бы Вы вздумали заглянуть к нам под Рыбинск, то Вы нашли бы здесь некоторое, хотя и отдаленное, сходство с пейзажами Англии. Мы несколько дней ехали по Волге, несколько дней прожили в Ярославле, который нас так очаровал, что мы решили перенести туда столицу из некоего города на Неве (будет с него — поцарствовал), — и наконец, почти случайно, нашли эту дачу на Волге, совершенно годную даже для того, чтобы в ней был написан роман» (письмо к З.А. Венгеровой 18 июля 1915 г. // ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 683. Л. 8–9); на другой день Чеботаревская писала другому потенциальному гостю: «<...> мы на Волге, здесь очень живописно, настоящий русский северный

пейзаж — масса церквей; дача — удачная, старинная и маленькая усадьба очень уютная и старый парк на берегу Волги» (письмо к К. Сюннербергу // ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 291. Л. 34); ср. кстати ее статью (подписанную именем Сологуба), содержащую описание волжского путешествия: *Сологуб Ф. По широкому раздолью* // Биржевые ведомости. 1915. 21 июня. № 14917. С. 3.

24. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Ок. 15 июля 1915

Дорогой Павел Елисеевич,

Как поживаете? Читал нонче <sic> в газетах, что Вы с другими представителями редакций беседовали с министром¹. Приятно было бы, если бы это привело к добрым результатам. Даже и такому мирному и уединенному писателю, как я, приходится роптать: в короткое время у меня цензура зачеркнула в Биржевых три статьи². — Не соберетесь ли на Волгу? Заехали бы к нам. У нас мило, тихо, очаровательный вид на Волгу, и удобное сообщение: пароходная пристань (к Рыбинску) под нашим садом прямо.

Имею к Вам просьбу: будьте добры назвать мне хорошую монографию о Стеньке Разине; здесь вовсе негде справиться³. А, может быть, будете так любезны, что скажете в каком-нибудь книжном магазине, чтобы мне ее выслали с наложенным платежом. Буду очень благодарен⁴.

Мой адрес: Песочное, Ярослав. г., село Красное, усадьба Тихоменевых.

Сердечный привет Валентине Андреевне.

Преданный Вам

Федор Тетерников.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ О прошедшем совещании в хронике сообщалось: «11 июля управляющий министерством внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов принял представителей петроградских газет: “Биржевых ведомостей” (С.М. Проппер и М.М. Гаккебуш), “Дня” (П.Е. Щеголев), “Нового времени” (М.А. Суворин) и “Речи” (И.В. Гессен). И.В. Гессен прочел составленную им записку о стесненном положении Петроградской печати, и затем в общей беседе с кн. Щербатовым представители печати всесторонне осветили те тяжелые цензурные условия, в которых приходится работать столичной прессе» (*Б. п.* Представители печати у кн. Щербатова // День. 1915. 12 июля. № 198. С. 4).

² 22 июня 1915 г. сотрудник «Биржевых ведомостей» и многолетний корреспондент Сологуба А.А. Измайлов писал ему: «Посылаемые цензурные гранки с запрещением вас не порадуют, но объяснят, почему газета не напечатала статейки» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1995 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 254). Первопубликатор этого письма М.М. Павлова предпола-

гает, что речь идет о статье «Цена одному», и сообщает, что в авторской картотеке имеются пометы о цензурном запрещении статей «Гадания» (позже напечатана в тех же «Биржевых ведомостях»), «Вечный жид» (позже опубликован в «Русских ведомостях») и «Горение души» (Там же).

³ Стихотворения и наброски романа о С. Разине появятся у Сологуба значительно позже, в 1920 г. См. предварительный этюд к неосуществленному роману: «I. Он не умер. Живет в полусне и ждет. Многое узнал и понял. Читал, слушал. Персидская княжна. Просыпался при каждом народном волнении. Но все это было не то. Вот приходят и зовут. Сомнения Степана. Идет. Его принимают интеллигенты за спирита, ловкого самозванца». II. Разрушения и убийства. III. Разочарован.

“Не мой час. Не мое дело”. Уходит и засыпает. 22 июня (5 июля) 1920 г. Княжину» (Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. СПб.: Наука, 2020. Т. 3 / изд. подгот. М.М. Павлова. С. 743).

⁴ В личной библиотеке Сологуба, насколько мы можем судить, монографий о Разине не сохранилось.

25. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

1 ноября 1915

Вологда¹

1 ноября 1915.

Дорогой Павел Елисеевич,

То, что пишет Ол Д’Ор 31-го в Дне, совпадает с тем, что Вы мне сказали по телефону, и это — неправда: когда я печатался в Лукоморье, ни Буренина, ни Бурнакина там не было, и Вы это знаете, и Ваш ругатель должен это знать². Итак, как я ни повернусь, травля против меня будет продолжаться, и газета День будет заниматься этим делом. Братья-писатели, чего же вы добиваетесь? Загрызть меня до смерти, что ли, хотите? Сколько раз приходится повторять возглас Льва Толстого: «ведь вы же — люди, а не черти из болота!»³

Ваш Федор Сологуб.

¹ Сологуб в очередной раз посетил Вологду в рамках краткого лекционного тура начала ноября: поскольку он ездил вместе с А.Н. Чеботаревской и, соответственно, переписки между ними не велось, документирован он весьма скупо. Так, 30 октября 1915 г. Чеботаревская писала в издательство М. и С. Сабашниковых: «С 5-го числа мы в поездке до 15 ноября — по России с лекцией» (РГБ. Ф. 261. Карт. 6. Ед. хр. 106. Л. 1). Лекция «Россия в мечтах и ожиданиях» была прочитана в Вологде «31 октября в зале Страхового общества в 8 ½ часов» (объявления: Эхо (Вологда). 1915. 30 октября. № 371. С. 2; Вологодский листок. 1915. 22 октября. № 924. С. 2; 25 октября. № 925. С. 2; 27 октября. № 926. С. 2; № 927. 29 октября. С. 2).

² 31 октября 1915 г. в газете «День» (№ 300) был напечатан фельетон О.Л. д’Ора (Осип Львович Оршер; 1879–1942) «Лукоморцы», посвященный одной из болезненных тем 1910-х годов. Исторически среди русской либеральной интеллигенции принято было подвергать тотальному ostracismu тех, кто печатался в газетах

консервативного, не говоря правого направления — прежде всего в проправительственном «Новом времени». В 1914–1915 гг. ситуация осложнилась: наследник покойного издателя «Нового времени» М.А. Суворин организовал иллюстрированный журнал «Лукоморье», направлением вполне совпадавший с патристическими настроениями, охватившими русское общество, — таким образом, многолетняя стигма должна была исчезнуть (чему немало способствовали и чрезвычайно высокие лукоморские гонорары). Целый ряд писателей, до этого строго соблюдавших конвенансы этого рода, стал с «Лукоморьем» осторожно сотрудничать, что вызвало энергичные выпады радикалов: не выдержав их, авторы «Лукоморья» стали журнал покидать, сопровождая свой выход открытыми письмами. Этому посвящен и указанный фельетон О.Л. д'Ора:

ЛУКОМОРЦЫ

(Две сценки из жизни петроградской писательщины).

Сценка первая.

Туда.

- Что за толпа? Куда она бежит?
- Это писатели. Бегут в Эртелев переулок...
- В Эртелев? Туда прежде днем не ходили. В Эртелев переулок пробирались тайком, ночью, чтобы никто не видел.
- То было когда-то. А теперь...
- Теперь, что же?
- Теперь, говорят, один из Сувориных обрадикалел... Журнал издает с радикальным направлением. Авансы раздает самым радикальным образом.
- Авансы! Все-таки зачем они толпой?..
- По многим причинам. Во-первых, мелкие звери всегда ходят стаями...
- Во-вторых?
- Во-вторых, в толпе не так зазорно. Трусливые люди совершают преступления «всем миром». Совесть не так мучит...
- Кто этот высокий с носом, который так работает локтями, стараясь пробиться вперед?
- Это Сергей Городецкий. Хочется прийти первым к столбу, т. е. к авансу.
- А вот тот, бритый?
- Который поет «Гей, славяне?» Это — Дмитрий Цензор. Ишь как работает руками. Сергея Городецкого обогнать хочет...
- А тот, толстый? Смотрите, как расчищает перед собой публику. Куда не повернется — улица.
- Это Рославлев. За ним вприпрыжку Борис Лазаревский, за Борисом Лазаревским — Кузмин, Олигер, Георгий Иванов...
- Боже, кажется, и Федор Сологуб! И Ремизов тут?.. Неужели это они!
- Они! Они! За компанию, говорят, пошли. Молодежь их увлекла за собой...
- В том-то, кажется, и горе наше, что истинные писатели идут вслед за молодежью, а не ведут молодежь вслед за собой...
- Смотрите, смотрите, что делается у входа в редакцию...
- Батюшки, с Бурениным целуются!!!
- Бурнакина обнимают!
- Суворину «ура» кричат...
- Деньги считают... Уйдем отсюда.

— Уйдем... Смотреть противно!..

Толпа расходится. Писатели с песнями входят в «Лукоморье».

Сценка вторая.

Обратно.

— Откуда это народ бежит без оглядки?

— Это не народ, а писатели... Из Эртелева переулка бегут. Из «Лукоморья»...

— Чего же так спешат? Один чуть с ног меня не сбил.

— Спешат... каждый хочет показать, что он первый убежал, что его первого стошнило...

— Почему же вдруг стошнило? Целый год работали...

— Работали, а теперь перестали. Увидели там Буренина и Бурнакина, и перестали работать...

— Кажется, Буренин с первого номера работал в «Лукоморье».

— Писатели думали, что это не тот Буренин... Сологуб, Садовской, Рославлев и другие думали, что есть два Буренина, один хороший, а другой плохой. Плохой, думали писатели, работает в «Новом времени», а хороший в «Лукоморье». Потом оказалось что Буренин один...

— А Бурнакин? Он тоже один из первых в «Лукоморье».

— И с Бурнакиным почти такая же история вышла. Писатели думали, что это не тот Бурнакин, который в «Новом времени» пишет. Думали, что он однофамилец того, что в «Новом времени».

— Действительно, недоразумение... Какие наивные люди эти Петроградские писатели. Прямо как малые дети...

— И относительно Суворина вышла ошибка. Писатели по наивности своей думали, что Суворин не фамилия, а псевдоним. Полагали, что под этим псевдонимом скрывается какой-то известный радикальный писатель. Потом обнаружилось, что Суворин — фамилия и что это тот самый Суворин, который «Новое время» издает и редактирует.

— Дети! Настоящие дети, эти писатели! Как их легко обмануть!

Писатели бегут, бегут из «Лукоморья», оглушая своими покаянными криками публику...

Зачем они так кричат?

Сологуб печатался в «Лукоморье» с декабря 1914 г. по октябрь 1915-го. Коллективное письмо о выходе из журнала, подписанное в том числе и им (а еще — С. Ауслендером, Г. Ивановым, М. Кузминым, А. Рославлевым, Б. Садовским, Ю. Слезкиным и др.), было напечатано 30 октября в «Биржевых ведомостях» (№ 15179. С. 5): «Мы участвовали в журнале “Лукоморье” до тех пор, пока чисто-литературная и в общем приемлемая физиономия этого журнала не возбуждала в нас принципиальных сомнений. Поэтому нападки на нас, раздававшиеся время от времени в некоторых периодических изданиях и часто основанные на фактически-неверных сведениях, оставляли нас спокойными до тех пор, пока ведение журнала не противоречило требованиям нашей художественной совести» etc. В том же номере «Дня», что и приведенный фельетон, была напечатана еще одна глумливая реплика по этому поводу (*Homunculus* <Заславский Д.И.>. Экс-лукоморцы). 1 ноября 1915 г. Сологуб отвечал в «Биржевых ведомостях» «Письмом в редакцию» (в действительности оно было написано Чеботаревской, а им только подписано): «Как и во время моего сотрудничества, так и сейчас, я убежден, что

ничего предосудительного в печатании стихов или рассказов в чисто-литературном журнале “Лукоморье” не заключается. Статьи Бурнакина о литературе ничем не хуже многого, появляющегося на страницах наших “прогрессивных” изданий, считающих своим долгом лягать новую литературу по всякому поводу и поведению. Подписал же я заявление о выходе из “Лукоморья” исключительно потому, что считал для себя морально неприемлемым оставаться там, раз выходят 3 лица, по приглашению которых я и давал в “Лукоморье” свои стихи» (Биржевые ведомости. 1915. 1 ноября. № 15 138. С. 3). Щеголев изначально был настроен по отношению к «Лукоморью» весьма скептически; ср. запись в дневнике его жены: «Вчера она <Чеботаревская> ко мне звонила, приглашала участвовать в “Лукоморье”, а я ей и ответил: “Нет, уж Наст<ася> Никол<аевна>, я, если Господь приведет, прямо в “Новое время” сразу пойду писать» [4, с. 211].

Между тем, обидя Сологуба на Щеголеву оказалась столь значительной, что в дело их примирения включилась В.А. Щеголева. 9 декабря 1915 г. она писала Чеботаревской:

«Милая Анастасия Николаевна!

Не могу выразить Вам, как горько мне все это слышать и видеть. Происходит ряд каких-то недоразумений. Вы не хотите придти ко мне, приписывая П. Е. сказанную, якобы, по адресу Федора Кузьмича грубую фразу. Пав. Ел. говорит, что фраза эта была сказана не лично по адресу Фед. Кузьмича, а по адресу всех подпавших это несчастное письмо, и если она была понята Вами, как относящаяся к Федору Кузьмичу, то, конечно, он берет ее назад, но с своей стороны просит Вас понять, что никакой ответственности за Оль-доров, Гомункулусов и прочих иностранцев он нести ни в коем случае не может, как и запретить им писать, что они хотят и как хотят на любую тему и печатать это в газете “День”.

Мне очень, очень грустно, что Вы, зная меня, зная мое к Вам отношение и верную любовь к Вам и к Федору Кузьмичу, находите возможным смешивать меня с этими всеми прискорбными делами и наши личные дружеские отношения ставить на дневные весы. Я живу своей, обособленной жизнью в кругу своих интересов, которые с кругом интересов друзей Пав. Е. никогда не сходились, ибо нет у нас точек соприкосновения, но это не мешает им поддерживать дружеские отношения с Павлом Елисеевичем. Он сам по себе, я сама по себе, и я с горестью вижу, что Вы не хотите понять меня и тяжесть ответственности за недоразумение с П. Е. хотите возложить на меня» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 339. Л. 10–11).

³ Из письма Л. Толстого к М.А. Энгельгардту зимы 1882–1883 г. (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. Т. 63. С. 123).

26. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Между 1912 и 1915

Дорогой Павел Елисеевич,

Игорь Васильевич Лотарев¹ передал мне сегодня для Вас те стихи, которые Вы хотели передать в Современник². Посылаю Вам эти стихи.

Сердечный привет Вам и Валентине Андреевне. Как жаль, что мы не сумели дожидаться Вас в ту ночь под Новый Год.

Ваш Федор Тетерников.

Датировке не поддается: Сологуб и Северянин познакомились осенью 1912 г., рассорились осенью 1913 г., помирились летом 1914 г. Журнал «Современник» вы-

ходил (по довольно причудливому графику) в 1911 — 1915 гг. Но стихотворения Северянина не появлялись там ни разу, так что единственная деталь, которая могла бы помочь датировке, не пригодилась (остается, конечно, вариант, что Северянин передавал *чужие* стихи).

¹ О знакомстве Сологуба с Игорем Северяниным (Игорем Васильевичем Лотаревым; 1887–1941) см. в публ. Л.Н. Ивановой и Т.В. Мисникевич «Игорь Северянин. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 693–755).

² Поэтический отдел «Современника» был довольно скучным, как, впрочем, и в большинстве «толстых» журналов этого времени. Архив журнала был отобран при обыске еще в 1915 (?) г. и хранится среди полуразобранного фонда «вещдоков» Департамента полиции; благодаря ему можно видеть, какие стихи поступали в журнал и были отвергнуты или утрачены. Так, 29 мая 1913 г. Н.И. Муханов запрашивал редакцию: «Осмеливаюсь послать на Ваше просвещенное усмотрение несколько стихотворений. Буду искренно счастлив, если Вы найдете возможность кое-что поместить в Вашем Глубокоуважаемом журнале».

Печатаюсь в «Солнце России», «Живом слове» и нескольких других еженедельниках. Главным же образом печатался в провинции. Сознаюсь, это первая моя попытка послать в серьезный орган и неудача будет мне очень тягостна.

В случае напечатания буду несказанно благодарен Вам» (ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 1. Ед. хр. 2956. Л. 1–2); в недатированном письме отправлял (несохранившиеся) стихи А.А. Лозина-Лозинский (Там же. Ед. хр. 2899); о публикации стихотворений договаривался И. Эренбург (Там же. Ед. хр. 3197); рукописи посылали М.А. Струве (Там же. Ед. хр. 3101) и М. Жижмор (Там же. Ед. хр. 2782); М.А. Зенкевич настаивал: «М. Г. господин редактор! С.М. Городецкий сообщил, что в Вашем журнале собираются дать цикл стихов г. н. «акмеистов», и просил меня передать мои стихи ему. Т. к. я не сделал этого, то посылаю их прямо в редакцию на Ваше усмотрение» (письмо от 7 июля 1913 (?) г. // Там же. Ед. хр. 2796. Л. 1).

27. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

17 января 1916

17 января 1916 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

Посылаю Вам мое изложение претензий к С.В. Познеру в 2 экземплярах, и один прошу Вас передать С.В. Познеру¹.

Ваш Федор Тетерников.

На бланке с типографской надпечаткой (см. п. 16; вместо СПб — Петроград).

На письме запись рукой П.Е. Щеголева: «Экземпляр записки и предложение назвать судей в течение недели послано 19 января вечером из разносной книги».

¹ Нам случалось весьма подробно писать об этой истории (см.: [13]), напомним лишь краткую канву событий: в конце ноября 1914 г. был задуман сборник «Щит», посвященный еврейскому вопросу. Первоначально его организаторами выступили Л.Н. Андреев, Сологуб с Чеботаревской и М. Горький. Технической стороной дела ведал С.В. Познер. В середине 1915 г., на этапе допечатной подготовки сборника, Познером была получена, прочитана и отвергнута заказанная

Сологубом статья Н.А. Бердяева, что вызвало гомерический скандал. Бердяев обнаружил отсутствие своей статьи только после выхода сборника и сурово отчитал пригласившего его Сологуба; тот обвинил Познера; последовала череда обид, примирений и новых обид; дело дополнительно осложнилось непростыми взаимоотношениями между Сологубом и Горьким. К середине января 1916 г. было объявлено о предстоящем третейском суде между Сологубом и Познером. Со стороны Сологуба судьями выступали П.Б. Струве, Р.В. Иванов-Разумник и Щеголев. Именно с подготовкой к заседанию суда связано это письмо. Предварительное заседание состоялось 28 февраля 1916 г., сам суд — 6 марта; общий его итог был для Сологуба скорее неблагоприятен. Составленные Сологубом и Познером меморандумы сохранились в архиве — экземпляр, принадлежавший А. Горнфельду (РГА-ЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659; в одной архивной единице объединены оба текста) и П. Милюкову (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 2018, 2019; с густой, но бессистемной правкой получателя). На следующий день, 18 января 1916 г., Чеботаревская писала Щеголеву, возвращаясь к подготовке будущего третейского суда: «<...> вчера Ф. К. читал при чрезвычайном количестве желающих слушать, сегодня в 8 ч. в. едем в Курск. Видели уже Бердяева и Вяч. Иванова на лекции вчера и говорили с ними, В. И. пришлет что нужно (его адр<ес> Zubovskij bul'v. 25). Теффи тоже здесь и через два дня возвращается — она все покажет что нужно <...>» (ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 16).

28. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Январь 1916

Дорогой Павел Елисеевич,

Посылаю Вам мой краткий ответ на возражение Познера¹. Конечно, далеко не все отмечено, что у него напутано, — но уж очень у него много написано, и очень с хитрою тенденцией.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по пометке получателя

¹ Продолжение истории, обсуждавшейся в п. 27.

29. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

23 февраля 1916

23 февраля 1916.

Вагон.

Дорогой Павел Елисеевич,

Составляя наши ответы на записку С.В. Познера, и я, да, кажется, и Ан. Н., упустили из виду то странное обстоятельство, что С.В. Познер умалчивает о причине, побудившей его вынуть статью, уже набранную, из сборника, неопределенно говоря о том, что она

оказалась неподходящею¹. Посылаю Вам дополнение к моей второй записке. Прошу извинить за негладость почерка — пишу, сидя в вагоне, а вагоны, известно, имеют привычку нет-нет, да и тряхнуть.

Опушу письмо где-нибудь на станции, а на тот случай, если оно не дойдет, посылаю дубликат Ан. Н., чтобы она, переписав на машинке, послала Вам, снабдив, может быть, и своими припоминаниями.

Завтра буду читать в Полтаве, потом в Кременчуге и Одессе, и, м. б., еще в Елисаветграде и Екатеринославе². 5 марта, не позже, надеюсь быть дома.

Поклон и привет Валентине Андреевне.

Ваш Федор Тетерников.

¹ Продолжение истории, обсуждавшейся в п. 27.

² Письмо написано из обширного турне по югу России, предпринятого Сологубом в конце зимы 1916 г. 23 февраля Сологуб ехал из Харькова в Полтаву. 24-го читал лекцию «Россия в мечтах и ожиданиях» в Полтаве, 25-го выехал в Кременчуг и вечером читал там лекцию; 26-го отправился в Одессу, откуда, вероятно, обратно в Петроград. 5 марта в хронике сообщалось: «В Петроград только что вернулся из своей поездки с лекцией Ф.К. Сологуб. На этот раз он объехал только несколько городов, в том числе Полтаву, Кременчуг и Одессу. Везде талантливый писатель встретил большой успех и внимание как в прессе, так и в аудиториях, собиравших по преимуществу интеллигентную молодежь» (Биржевые ведомости. 1916. 5 марта. № 15423. С. 4). Столь раннее возвращение очевидно было связано с необходимостью присутствовать на третейском суде 6 марта.

30. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

2 апреля 1917

2 апреля 1917 г.

Дорогой Павел Елисеевич,

С Праздником!¹ А вместо пасхального яйца посылаю Вам вырезку из Иркутского журнала «Багульник» со статьей «Гражданин Ю. Каменев»². М. б., этот пассаж пригодится кому-нибудь из Дня, напр. Заславскому, так как суть его очень пикантна³.

Привет Валентине Андреевне

Ваш Федор Сологуб.

На бланке с типографской надпечаткой: Федор Кузьмич Тетерников / (Федор Сологуб) / Петроград, / В. О., 9 линия 44, кв. 19.

¹ С Пасхой, падавшей в 1917 г. на 2 апреля.

² «Багульник» — иркутский общественно-литературный журнал, выходивший в 1916–1917 гг. (вышло 5 номеров) под редакцией А.И. Миталь. Сологуб по-

знакомился с его редакцией после лекции в Иркутске 16 октября 1916 г. 20-го числа он писал жене: «В Иркутске прошло лучше, чем в других городах. <...> В антракте один взволнованный мальчик горячо благодарил: он первый раз (буквально!) слышал, что хвалят Россию. — Зал большой, хорошо наполнен, акустика ничего себе. — Познакомился с Чужаком. Молодой человек довольно жизнерадостного вида, по манерам нечто вроде смеси Минского и Луначарского. <...> Под руководством Чужака образовался кружок поэтов, выпустили сборник “Иркутские вечера”, издают журнал “Багульник”. Не очень талантливые, но милые молодые люди, все не сибиряки, один, В. Пруссак, ссыльный витмеровец. Были у меня, после лекции угощали меня ужином» (публ. и коммент. А.В. Лаврова к упомянутым: [7, с. 366]). Сологуб дал для публикации в сибирском журнале стихотворение «Только мы вдвоем не спали» (Багульник. 1916. № 3. С. 1).

Упомянутая заметка была напечатана в № 5 «Багульника» за 1917 г. (С. 7) за подписью «Ник. Н-вич». В ней осуждается «литератор-марксист Ю. Каменев» за призыв на митинге в Ачинске к «безусловной поддержке временного правительства» и отправку «приветствия вел. князю Михаилу Александровичу по поводу отречения его от престола». Заметка завершается назиданием: «Представитель с.-д. партии мог призывать к поддержке временного правительства лишь постольку, поскольку оно честно выполняет перед народом свои обязательства. Плох тот марксист, который призывает к поддержке безусловной. Но еще хуже тот социал-демократ, который, учитывая всю склонность масс к иллюзиям и отнюдь не переоценивая гражданского смысла отказа в. к. при наличной ситуации, зовет экспансивную массу к преклонению пред гражданским подвигом послыдша династии».

«Ю. Каменев» — употреблявшийся время от времени псевдоним Льва Борисовича Каменева (Розенфельд; 1883–1936; расстрелян) — революционера, высокопоставленного большевика, одного из руководителей ВКП (б) и Советского государства. Сологуб и Чеботаревская были знакомы с ним как минимум с первой половины 1910-х годов. В марте 1915 г., когда Каменев вынужденно пребывал в Туруханском крае, Чеботаревская, беспокоясь о его ученых занятиях, писала Блоку:

Дорогой Александр Александрович, обращаюсь к Вам с просьбой, переданной мне сегодня от заключенного по делу с.-д. депутатов: Л.Б. Каменева (Розенфельда) его женою: не будете ли Вы так любезны передать для него (можно чрез нее, тел. 65-65, или меня) Ваши стихотворения, он хочет заняться их изучением и писать о них что-то. Я бы не писала Вам об этом, помня Ваше неудовольствие в последнем нашем разговоре (ибо Л. Б. принадлежит к той же злосчастной нации), но дело в том, что средств на приобретение книг у них абсолютно нет и я взялась передать эту просьбу совершенно объективно: хотите дайте — хотите нет. Кроме того с тех пор произошли некоторые события, которые в известном смысле могли повлиять на Ваше несколько одностороннее мнение в известных положениях.

(РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 447. Л. 25–26 об. На письме пометы Блока «получ. 5.III.1915» и «Отв. 7 III (посл. книги и письмо)»). Блоковедческие работы Каменева нам неизвестны. Какие обстоятельства начала 1915 г. должны были поколебать юдофобию Блока, не слишком очевидно.

³ Давид Иосифович Заславский (1880–1965) — журналист, публицист, обозреватель газеты «День» (между прочим — он тот самый *Notunculus*, который глумливо откликнулся на выход Сологуба из «Лукоморья», см. прим. 2 к п. 25). Вероятно, Щеголев дал ход прилагавшейся вырезке: по крайней мере, заключающийся в ней сюжет быстро стал достоянием гласности. 7 апреля заметка «Багульника» была перепечатана в плехановской газете «Единство» под заглавием «Последовательный “правдист”» с краткой врезкой: «В издающемся в г. Иркутске журнале “Багульник” встречаем заметку под заглавием “Гражданин Ю. Каменев”» (следует текст) (Единство. 1917. 7 апреля. № 7. С. 1). На следующий день,

8 апреля 1917 г., сам Каменев отвечал в «Правде»: «В одной из сибирских газет напечатано, а вчера в “Единстве” перепечатано, будто я на митинге в уездном городишке Енисейской губ. Ачинске предложил послать приветственную телеграмму В. К. Михаилу Александровичу за его отказ от престола. Это совершеннейшие пустяки. Правда только то, что я был выбран на митинге в комиссию для отсылки телеграммы от Ачинской думы о присоединении к революции. В комиссию кроме меня были выбраны: два командира полков, судебный следователь, городской нотариус, местный богач-купец. В телеграмме по настоянию всех против меня было упомянуто, насколько я помню, что все должны последовать примеру гражданина Михаила Романова, показавшего пример подчинения воле народа в Учредительном Собрании. Телеграмма на митинге не голосовалась и послана была за подписью городского головы. Что провинциальный корреспондент наврал, это и понятно и не стоило бы никаких опровержений. Но зачем понадобилось “Единству” подобрать эту уездно-ссылную сплетню?» (Каменев Ю. Нелепая выходка // Правда. 1917. 8 апреля. № 27. С. 3).

Скандал между тем разрастался — в тот же день, 8 апреля, та же заметка была перепечатана еще в одной Петроградской газете — в «Русской воле». В этот раз за ней следовало редакторское послесловие: «Кроме общей курьезности позиции г. Каменева <...> представляется совершенно недоуменным еще и то обстоятельство, что г. Каменев, оказывается, тоже свершает свое политическое поприще под псевдонимом, ибо, по существу, он не Каменев, но Розенфельд. Мы уже не раз упоминали о полном неприличии псевдонимных приемов в политической деятельности» (Б. п. «Сейчас брюнет — сейчас блондин» // Русская воля. 1917. 8 апреля. № 52. С. 2).

То, что первичный источник сведений об этой заметке — вырезка, отправленная Сологубом Щеголеву, почти несомненно: номер «Багульника» датирован мартом 1917 г., то есть, учитывая работу почты в первый послереволюционный месяц и сугубо локальный характер издания, почти невероятно, чтобы еще один экземпляр его в столь краткие сроки добрался бы до петроградских журналистов (нужно, впрочем, не забывать, что в предреволюционное время номера журнала достигали столиц: 31 октября 1916 (?) упомянутый выше В.В. Пруссак писал М.М. Шапской: «“Багульник” в Петрограде продается в кн. маг. Бахарева (на Невском)» (РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 443. Л. 3)).

Намного любопытнее вопрос о том, смог ли узнать Каменев о роли Сологуба в этом скандале. Это могло бы объяснить непримиримую позицию, занятую им при обсуждении возможного выезда Сологуба за границу, см.: [14, с. 78].

31. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

15 апреля 1917

Дорогой Павел Елисеевич,

Большая к Вам просьба: будьте добры прилагаемую заметку устроить, если возможно, на вторник в Дне, — очень обяжете¹. — Были мы сегодня у Головина², и с успехом. То, о чем Вы говорили, в значительной степени уже поправлено, вместо 160 оставлено только 90 обществ.

Привет,

Ваш Федор Сологуб.

Письмо поддается достаточно точной датировке: речь идет о серии эпизодов истории литературной курии Союза деятелей искусств. 4 апреля 1917 г. Сологуб был выбран в Президиум Временного комитета уполномоченных Союза деятелей искусств представителем 5-й курии — литературной. 6 апреля он принимал участие в выработке наказа для делегатов, отправляющихся к Федору Александровичу Головину (1867–1937; расстрелян), комиссару Временного правительства по бывшему Министерству двора. Выступление Сологуба на этом заседании было стенографировано и впоследствии опубликовано [10, с. 62]. 10 апреля был избран персональный состав делегации; тогда же утвержден и наказ: «Мы, представители Союза деятелей искусства, объединившего свыше 90 петроградских художественных и научно-художественных обществ и учреждений, избраны этим Союзом заявить Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов следующее...» [10, с. 63]. В состав делегации вошли, среди прочих, и Сологуб с Щеголевым (а также С. Прокофьев, В. Мейерхольд, В. Шкловский и др.). Центральным пунктом дискуссии был вопрос о том, какие лица или институции будут представлять перед новым правительством интересы творческой интеллигенции.

¹ Ближайший после визита вторник падал на 18 апреля. Никаких материалов, касающихся этого сюжета, в этот день в газете не появлялось.

² Визит к Ф.А. Головину состоялся 15 февраля, но по непонятным причинам Щеголев, заявленный в составе делегации, на встрече не присутствовал. На следующий день Сологуб докладывал в Союзе о вчерашнем походе: [10, с. 65]; на этом заседании были А. Ахматова, Н. Гумилев, М. Кузмин и др.

32. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Между 1906 и 1917

Дорогой Павел Елисеевич,

Рукопись посылаю. Один рассказ содержит, по моему счету, $\frac{3}{4}$ листа (30 т. букв), другой 25 000 букв¹. Если подойдут, желательно оба. Надеюсь получить скорый ответ.

Ваш Федор Тетерников.

Вероятно, относится ко времени работы Щеголева в газете «Наша жизнь» / «Народное хозяйство» (1905–1906), журнале «Отечество» (1914–1915), но может быть, и в газете «День» (1914–1917).

¹ В газете «Народное хозяйство» был напечатан рассказ «Соединяющий души» (см. прим. 2 к п. 1), в нем 18 200 знаков; в приложении к «Нашей жизни» — рассказ «Дикий бог» (см. прим. 1 к п. 2), в нем 27 000 знаков. В журнале «Отечество» были напечатаны рассказы Сологуба «Ошибка гофлиферанта» (1914. № 3. 16 января. С. 54–58) и «Дед и внук» (1915. № 1. С. 6–9). В первом 18 600 знаков, во втором 8 100. В газете «День» — рассказ «Голос крови» (1913. Бесплатное приложение к № 350. 25 декабря. Стлб. 11–22). В нем 17 300 знаков. При этом публикация «Дикого бога» обсуждалась отдельно (письмо 3). Таким образом, задача, кажется, решения не имеет.

33. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*Между 1914 и 1917*

Дорогой Павел Елисеевич,
Будьте добры прилажаемое объявление поместить несколько раз в Дне бесплатно. Очень обяжете.

Ваш Федор Тетерников.

Точной датировке не поддается (за исключением того, что относится к периоду работы Щеголева в «Дне», т. е. между 1914 и 1917 гг.).

34. СОЛОГУБ — ЩЕГОЛЕВУ*Осень 1921?*

Дорогой Павел Елисеевич,
Обращаюсь к Вам с просьбою дать поручительство, требуемое для выезда за границу¹. Как я уже имел случай говорить Вам, поездкою за границу я намерен воспользоваться исключительно для устройства моих литературных дел, — напечатание моего нового романа «Заклинательница Змей»² и перевод его на иностранные языки. Заниматься политикой я совершенно не намерен. Буду очень благодарен Вам, если Вы дадите необходимые подписи и таким образом поможете мне исполнить установленные формальности.

С приветом,

Федор Сологуб.

¹ Письмо относится к одному из эпизодов мучительного (и безрезультатного) получения Сологубом и Чеботаревской документов для выезда за границу. По правилам этого времени для выдачи выездных документов необходимо было ручательство кого-нибудь из находящихся в Советском Союзе знакомых соискателя (вероятно, с тем, чтобы удержать будущего эмигранта от политических высказываний). Щеголев, не просто лояльный советской власти, но активно с ней сотрудничавший, подходил для этого идеально. Подробнее см.: [14]. В архиве Щеголева сохранилось письмо Чеботаревской со сходной просьбой: ««Милый Павел Елисеевич, прошу Вас оказать нам услугу — дать поручительство, требуемое Советской Республикой для выезда за границу. Мы не собираемся заниматься там политической деятельностью, а своими литературными делами — печатанием нового романа Ф. К. и переводом его на иностранные языки — я же думаю работать в местных библиотеках над моей книгой по истории нравов XVIII в.» (ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 17). Датировано оно 21 декабря, но год прочесть непосто: по логике он должен быть 1921-м, хотя начертание скорее напоминает 1920.

² Первая часть романа «Заклинательница змей» была напечатана в альманахе «Эпоха» (Вып. 1. М., 1918. С. 1–95). Год спустя в периодике появилось сооб-

шение: «Ф.К. Сологуб к осени вернулся из Костромской усадьбы и снова стал «островитянином». Он закончил свой роман “Заклинательница змей”. Вторая часть его скоро выйдет в альманахе “Эпоха”» (*Измайлов А.* Что делается в литературе // Вестник литературы. 1919. № 1/2. С. 8). Эти же сведения повторены в № 7 того же журнала: «В настоящее время, — заявил нам писатель, — я заканчиваю свой новый роман “Заклинательница змей”. Та часть этого романа, которая уже была напечатана ранее, выйдет в просмотренном и вновь мной отредактированном виде. Роман выйдет в издании Гржебина и, вероятно, скоро будет напечатан, так как получено уж разрешение на бумагу для него» (*Б. п.* Чем заняты наши писатели // Вестник литературы. 1919. № 7. С. 6). Первое книжное издание вышло в 1921 г. (Пг. и Берлин).

35. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

11 января 1921

11 янв. 21

Дорогой Павел Елисеевич,

Большая к Вам просьба: Вы уже были любезны подписать наши анкетные листы в качестве поручителя¹. Теперь оказывается, что это поручительство надо повторить на отдельном листе. Прилагаю листы мой и А. Н. Будьте добры подписать и вернуть поскорее заказным по адресу: Москва, Воронцово-Поле, Б. Николо-Воробинский переулок, 3, Здравница². Очень обяжете.

Как видите, здесь мы приютились в здравнице. Уютно, сытно, вообще хорошо. Пока еще никого почти не видели.

Поклон и приветы от меня и А. Н. Валентине Андреевне и Павлуше, — он у Вас все энергичнее обращается в Павла Павловича³. С новым годом.

Привет и лучшие пожелания

Федор Сологуб.

¹ См. прим. 1 к п. 34.

² Сологуб и Чеботаревская получили командировочные удостоверения, необходимые для выезда в Москву, 28 декабря 1920 г.; см.: [8, с. 187]. 10 января 1921 г. Сологуб сообщил Н.Г. Чулковой: «Пишу Вам из здравницы, где я и Ан. Ник. поместились, приехав в Москву, — Воронцово поле, Б. Николо-Воробинский переулок, 3, телефон 43-80» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 3). Здравница в Николоворобинском функционировала еще много лет, в т. ч. под именем «Физио-диетический санаторий им. Н.А. Семашко»; сейчас там располагается комплекс зданий Национального НИИ общественного здоровья.

³ Павел Павлович Щеголев (1903–1936) — сын П.Е. и В.А. Щеголевых, историк.

36. П. ЩЕГОЛЕВ — Ф. СОЛОГУБУ*До сентября 1921*

Дорогой Федор Кузьмич, у меня к Вам просьба, которую Вам изложит Валент. Андр. Полагаю, что у Вас не будет препятствий к выполнению этой просьбы. По человечеству надо исполнить. Жду от Вас новых Ваших произведений и желаю Вам здоровья и успехов литературных. Поклон мой Ан. Ник. Искренне Ваш

П. Щеголев.

Датировке не поддается. Написано до самоубийства А.Н. Чеботаревской 23 сентября 1921 г.

37. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ*16 октября 1925*

Ждановская набережная 3, кв. 22.

16 октября 1925.

Дорогой Павел Елисеевич,

Сейчас закончил перевод второго стихотворения из книги *Quelques Heures de loisir a Toulchin*, par le P.A. Variatinskoy¹. Завтра перепису на машинке и пошлю Вам или принесу.

Переведено:

1. Épitre a Ivacheff 70 стихов

2. A. P. Pestel 10 стихов

—
80 стихов.

Второе стихотворение — посвящение к поэме *Le Vieillard du Meschasebé*, почему в нем и упоминается о *deux Natchez*². Поэмы этой я не переводил, думая, что не надо.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ В № 26 редактируемого Щеголевым исторического журнала «Былое» была помещена статья Б. Модзалевского «Декабрист Бяратинский и его стихотворения», посвященная личности и творчеству Александра Петровича Бяратинского (1799–1844). Среди прочего ему атрибутируется весьма редкая книга: *Quelques heures de loisir a Toulchin*, Par le prince A. Variatinskoy, H. Aux Hussards de la Garde, Moscou, 1824. В качестве приложения к статье были напечатаны выполненные Сологубом переводы названных далее стихотворений Бяратинского: «Послание

к Ивашеву» («Бездельник милый мой, беглец Пермесской сени...») и «П. Пестелю» («Товарищ первый наш! Я думаю с тоской...») (Былое. 1926. № 1. С. 11–13).

² Поэма «Le Vieillard du Meschasebé» («Старец с реки Месшасебе») напечатана на с. 37–44 той же книги (Месшасебе — Миссисипи). Сологуб переводит эту строку («De deux Natchez, pour toi, j'ai tracé les revers») как «Тебе Начезов двух я начертал грехи»: речь здесь идет об одном из племен североамериканских индейцев — натчезов или натчей. Они были полностью истреблены французами в 1730-е годы. Русский читатель знал о них из повести Шатобриана «Атала, или Любовь двух дикарей в пустыне» (1801) и ее переводов.

38. Ф. СОЛОГУБ — П. ЩЕГОЛЕВУ

Дорогой Павел Елисеевич,

Получил, и очень благодарю. Когда соберетесь ко мне? Хотя Сегонзака¹ не нашел, но есть нечто не менее интересное. Хотелось бы провести вечеров за беседою основательною.

С приветом

Федор Сологуб.

Датировке не поддается. Вероятно, относится к 1920-м годам.

¹ Анри де Сегонзак (1884–1974) — французский художник. О чем здесь идет речь — неясно, упоминания его в России 1920-х годов единичны, хотя в Европе его альбомы уже выходили (см., напр.: *Segonzac Andre D. de. XXX dessins. Nus — Isadora Duncan — Ida Rubinstein — Boxeurs. Paris: Edition du temps present. S. a.*).

Литература

1. Азадовский К. Серебряный век. Имена и события. Избранные работы. СПб.: Пушкинский Дом; Нестор История, 2015. 512 с.
2. Богомолов Н.А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. Документальные хроники. М.: INTRADA, 2009. 285 с.
3. Голлербах Е.А. Федор Сологуб и «Отечество» Зиновия Гржебина: 1914–1915 гг. // Русская литература. 2016. № 1. С. 159–176
4. Дневник В.А. Щеголевой за 1915 г. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Дровалевой, О.А. Симоновой // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Вып. 3. С. 183–259. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-183-259>
5. Емельянов Ю.Н. П.Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М.: Наука, 1990. 255 с.
6. Кошелев А.В. Дело о состоящем под гласным надзором полиции Павле Елисеевиче Щеголеве // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2022. Вып. 36. С. 178–190.

7. Неизданный Федор Сологуб / под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 567 с.

8. Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». Материалы к поздней биографии Федора Сологуба // «Радость ждет сокровенного слова...»: сб. научных ст. в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроче. Рига: Латвийский ун-т, 2013. С. 184–195.

9. Переписка З.Н. Гиппиус с С.П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизовым / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2. С. 249–492.

10. Перхин В.В. Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917–1918 гг.): из хроники событий // Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1910–1930-х годов. Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2002. Кн. 1. С. 47–124.

11. Рампаццо К. Г.И. Чулков: проблемы научной биографии писателя с 1879 г. до Октябрьской революции (на материале неизданной семейной переписки 1901–1938 гг.): дис. ... д-ра филологии. Падуя, 2022. 827 с.

12. Ремизов А.М. «Некролог» П.Е. Щеголеву / публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 178–193.

13. Соболев А.Л. Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // Donum Homini Universalis. Сборник в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 327–358.

14. Соболев А.Л. Еще раз о неудавшейся попытке эмиграции Ф. Сологуба и А.Н. Чеботаревской // Русская литература. 2023. № 4. С. 73–86.

15. Федор Сологуб. Разыскания и материалы / под ред. М.М. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 832 с.

16. Цявловский М.А., Цявловская Т.Г. Вокруг Пушкина (дневники и статьи 1928–1965 гг.) / изд. подгот. К.П. Богаевская и С.И. Панов. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 333 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Correspondence Between F. Sologub and P.E. Shchegolev

© 2026, Alexander L. Sobolev
Independent Researcher,
Moscow, Russia

Abstract: For the first time, the article presents the preserved part of the correspondence between Fyodor Sologub (1863–1927) and Pavel Eliseevich Shchegolev (1877–1931). The letters range in genre from a laconic business note to

an offended retort in response to an unfair newspaper tirade. The main value of these letters lies in deciphering the everyday and literary interweavings that emerge behind the details mentioned. For example, a modest clipping from a provincial journal, sent by Sologub to Shchegolev in 1917, proved to be the culprit in a scandal that marred the rise of the Bolshevik L.B. Kamenev. A few years later, Kamenev would prove to be one of the main opponents of Sologub's departure abroad. However, the question of whether this was an act of revenge remains open. The letters are accompanied by a preface that outlines a brief history of the correspondents' acquaintance and provides a historical and literary commentary.

Keywords: Fyodor Sologub, Pavel Shchegolev, correspondence, early 20th-century Russian literature, writer's biography, literary life, archival documents, magazine «Lukomorye».

Information about the author: Alexander L. Sobolev, Independent Researcher, Moscow, Russia.

E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. "Correspondence Between F. Sologub and P.E. Shchegolev." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 62–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-62-111>

References

1. Azadovskii, K. *Serebrianyi vek. Imena i sobytiia. Izbrannye raboty* [Silver Age. Names and Events. Selected Works]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Nestor Istoriia Publ., 2015. 512 p. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh. Dokumental'nye khroniki* [Viacheslav Ivanov in 1903–1907. Documentary Chronicles]. Moscow, INTRA-DA Publ., 2009. 285 p. (In Russ.)
3. Gollerbakh, E.A. "Fedor Sologub i 'Otechestvo' Zinoviia Grzhebina: 1914–1915 gg." ["Fyodor Sologub and 'Fatherland' by Zinoviy Grzhebin: 1914–1915"]. *Russkaia literature*, no. 1, 2016, pp. 159–176. (In Russ.)
4. "Dnevnik V.A. Shchegolevoi za 1915 g." ["V.A. Shchegoleva's Diary of for 1915"], introd. article, text prep. and comm. by N.A. Drovaleva, and O.A. Simonova. *Codex manuscriptus* [Codex Manuscriptus], issue 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 183–259. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-183-259> (In Russ.)
5. Emel'ianov, Iu.N. *P.E. Shchegolev — istorik russkogo revoliutsionnogo dvizheniia* [P.E. Shchegolev as a Historian of the Russian Revolutionary Movement]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 255 p. (In Russ.)
6. Koshelev, A.V. "Delo o sostoiashchem pod glasnym nadzorom politsii Pavle Eliseeviche Shchegoleve" ["The Case of Pavel Eliseevich Shchegolev, Who Was Under Public Police Surveillance"]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Periodical of the Pushkin Commission], issue 36. St. Petersburg, Rostok Publ., 2022, pp. 178–190. (In Russ.)
7. Pavlova, M.M., and A.V. Lavrov, editors. *Neizdannyi Fedor Sologub* [Unpublished Fyodor Sologub]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997. 567 p. (In Russ.)
8. Pavlova, M. "'Otchego zh, dusha-rabynia, Ty na voliu ne letish'...'. Materialy k pozdnei biografii Fedora Sologuba" ["'Why, O Slave Soul, Don't You Fly to Freedom...?' Materials for the Late Biography of Fyodor Sologub"]. *Radost' zhdet sokrovennogo*

slova...”: sbornik nauchnykh statei v chest’ professora Latviiskogo universiteta Liudmily Vasil’evny Sproge [“Joy Awaits the Secret Word...”: A Collection of Scientific Articles in Honor of Lyudmila Vasilyevna Sproge, Professor of the University of Latvia]. Riga, Latvia University Publ., 2013, pp. 184–195. (In Russ.)

9. “Perepiska Z.N. Gippius s S.P. Remizovoi-Dovgello i A.M. Remizovym” [“Correspondence Between Z.N. Gippius and S.P. Remizova-Dovgello and A.M. Remizov”], text prep., introd. article and comm. by E.R. Obatnina. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 106: Epistoliarnoe nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius], book 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 249–492. (In Russ.)

10. Perkhin, V.V. “Soiuz deiatelei iskusstva i ego literaturnaia kuria (1917–1918 gg.): iz khroniki sobytii” [“The Union of Artists and Its Literary Curia (1917–1918): From the Chronicle of Events”]. *Iz istorii literaturnykh ob’edinenii Petrograda-Leningrada 1910–1930-kh godov. Issledovaniia i materialy* [From the History of Literary Associations of Petrograd-Leningrad in the 1910s–1930s: Research and Materials], book 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 47–124. (In Russ.)

11. Rampatso, K. *G.I. Chulkov: problemy nauchnoi biografii pisatel’ia s 1879 g. do Oktiabr’skoi revoliutsii (na materiale neizdannoi semeinoi perepiski 1901–1938 gg.)* [Chulkov: Issues of the Writer’s Scientific Biography from 1879 to the October Revolution (Based on Unpublished Family Correspondence, 1901–1938): PhD Dissertation]. Padova, 2022. 827 p. (In Russ.)

12. Remizov, A.M. “‘Nekrolog’ P.E. Shchegolevu” [“‘Obituary’ to P.E. Shchegolev”], publ. by E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1995 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1995]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 178–193. (In Russ.)

13. Sobolev, A.L. “Cum scuto: Viacheslav Ivanov — uchastnik sbornika ‘Shchit’.” [“Cum Scuto: Vyacheslav Ivanov as a Participant in the Collection ‘Shield’.”] *Donum Homini Universalis. Sbornik v chest’ 70-letia N.V. Kotreleva* [Donum Homini Universalis. Collection in Honor of the 70th Anniversary of N.V. Kotrelev]. Moscow, OGI Publ., 2011, pp. 327–358. (In Russ.)

14. Sobolev, A.L. “Eshche raz o neudavsheisia popytke emigratsii F. Sologuba i A.N. Chebotarevskoi” [“Once Again on the Failed Attempt of Emigration of F. Sologub and A.N. Chebotarevskaya”]. *Russkaia literature*, no. 4, 2023, pp. 73–86. (In Russ.)

15. Pavlova, M.M., editor. *Fedor Sologub. Razyskaniia i materialy* [Fyodor Sologub. Research and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 832 p. (In Russ.)

16. Tsiavlovskii, M.A., and T.G. Tsiavlovskaiia. *Vokrug Pushkina (dnevnik i stat’i 1928–1965 gg.)* [Around Pushkin (Diaries and Articles 1928–1965)], ed. prep. K.P. Bogaevskaia and S.I. Panov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 333 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.10.2025

Одобрена после рецензирования: 24.10.2025

Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 10.10.2025

Approved after reviewing: 24.10.2025

Date of publication: 25.03.2026